

The background is a painting of a vineyard. In the foreground, there are several bunches of grapes, some dark purple and some reddish-pink, hanging from vines with large green leaves. In the middle ground, there is a large, white stone building with two towers, resembling a castle or a manor house, situated on a hill. The background shows rolling hills and a soft, hazy sky. The overall style is that of a classic oil painting.

ДАНИЭЛА СТИЛ

*Сказка
для взрослых*

Даниэла Стил
Сказка для взрослых
Серия «Миры Даниэлы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48454106

Сказка для взрослых: [роман] / Даниэла Стил: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-111092-5

Аннотация

Камилла Ламмене, выросшая среди бескрайних виноградников Калифорнии, с детства разделяла с отцом его страсть к благородному искусству виноделия. И когда повзрослела, с радостью вступила в семейный бизнес. Однако счастливые месяцы, полные увлечения любимой работой, внезапно завершились кошмаром...

Умерла мать Камиллы, и отца ловко затащила под венец французенка-авантюристка, позарившаяся на его состояние. И очень скоро Камилле пришлось бороться не только за свое наследие, но и за собственную жизнь.

Поможет ли этой новой Золушке, далеко не столь робкой, как героиня сказки, ее очень необычная «фея-крестная»? И встретит ли она однажды своего «прекрасного принца», который станет для нее любовью всей жизни, другом, защитником и опорой?...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	35
Глава 4	54
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Даниэла Стил

Сказка для взрослых

Роман

Danielle Steel

Fairytale

© Danielle Steel, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Моим чудесным детям

*Беати, Трэвору, Тодду, Нику, Сэм, Виктории,
Ванессе, Максу и Заре.*

Пусть все ваши сказки станут явью

И не коснется вас никакое зло.

*А если это все же случится, будьте сильными,
мудрыми и отважными.*

Пусть ваши истории заканчиваются счастливо.

*Всегда помните, как сильно я люблю вас, всем
сердцем и душой.*

С любовью, мама

Глава 1

Камень для строительства Кристоф заказал во Франции, предупредив, что ему не нужен огромный величественный замок. Он взял за основу четырехсотлетнее шато, принадлежавшее его семье, и хотел создать нечто похожее. Для своего замысла предоставил архитектору множество рисунков и фотографий. Кристоф понимал: с учетом места, которое выбрал для постройки, придется кое-что изменить, но в отношении пропорций остался тверд: шато должно быть не слишком большим и не слишком маленьким. Для нового жилища он нашел холм с поляной, окруженной прекрасными старыми деревьями. Ландшафтный дизайнер с восторгом поддержал идею посадить повсюду розовые кусты, как во Франции.

Летом строительство велось уже полным ходом, тогда он и попросил Джой стать его женой. К тому времени они встречались более года. Кристоф возвел винодельню среди виноградников одновременно с шато, ставшем настоящей жемужиной. Они поженились в соседней церкви в конце августа, свидетелями были двое рабочих с его виноградников, церемония прошла скромно. Тогда у них еще не появились настоящие друзья в долине. Но они были вместе, а для начала этого более чем достаточно. Они верили, что остальное придет позднее. Свою жизнь строили вдвоем, страсть Кристофа к земле вызывала у Джой искреннее уважение. Это чувство

всегда жило в его сердце, вьелось в его плоть и кровь. Виноградные лозы являлись для него живыми существами, которых он заботливо растил, поил и кормил, лелеял и оберегал. С такой же нежностью Кристоф относился к жене. Берек ее как драгоценный дар, как величайшее сокровище, а Джой расцветала в лучах его любви и любила Кристофа так же сильно, всей душой.

К первому Рождеству, которое они встретили как женатая пара, шато еще не успели достроить. Джой с мужем по-прежнему жили в маленьком домике, вполне подходящем для тихой, безмятежной жизни вдвоем. К тому времени Джой находилась на четвертом месяце беременности, и Кристоф хотел закончить строительство весной, чтобы в июне, когда родится их первенец, принести его в новый дом. После замужества Джой оставила работу в Кремниевой долине, поскольку не могла ездить так далеко, и с увлечением принялась помогать Кристофу на винодельне. Она отвечала за деловую сторону и управляла финансами, а он занимался винами. В мае они перебрались в шато, как и обещал Кристоф; за прошедшие недели ее живот успел вырасти и округлиться. Они прожили месяц в новом доме, ожидая рождения ребенка. По вечерам и в выходные Джой расписывала стены, рисовала прекрасные фрески, а дни проводила за работой в их новенькой заводской конторе. Кристоф назвал винодельню в честь жены: «Джой», – и едва ли мог выбрать более точное слово,

чтобы описать их жизнь¹.

Каждое утро они просыпались радостные, оживленно спешили на работу, затем вместе обедали дома, обсуждали свои успехи и проблемы, которые предстояло решить. Кристоф посадил виноград по всем правилам искусства виноделия, как его учили с детства. Два его дяди приехали из Франции посмотреть на виноградники, одобрили усилия племянника с женой и заявили, что через двадцать лет их винодельня будет лучшей в долине Напа. Новые посадки винограда росли превосходно, а шато быстро стало для Кристофа с Джой любимым домом. Они обставили его старинной мебелью французской провинции, покупая вещи на деревенских аукционах и в антикварных лавках.

Ребенок появился на свет легко и быстро, как воплощались в жизнь их планы последние два года. Они поехали в больницу утром, вскоре после завтрака, когда Джой сказала мужу, что время пришло. Их автомобиль, спустившись с холма, остановился у дверей больницы, и еще до наступления вечера Джой уже держала на руках прекрасную девочку, а Кристоф с благоговением смотрел на жену. Все произошло просто и естественно. При рождении малышке достались от матери светлые волосы и белая кожа, а от отца – синие глаза. Было ясно, что глаза ее не изменят цвета, ведь Джой тоже была синеглазой. Кожа младенца светилась молочной белизной, и Кристоф сказал, что девочка похожа на цветок. Ее

¹ От *англ.* joy – радость, счастье. – Здесь и далее *примеч. пер.*

назвали Камиллой.

На следующий день они вернулись домой, чтобы жить вместе, втроем. Камилла росла с любящими родителями в прелестном маленьком шато, среди неповторимой красоты долины Напа, любясь с вершины холма виноградниками своего отца. Предсказание братьев отца Кристофа сбылось. Через несколько лет его пино-нуар стало одним из лучших в регионе. Винодельня Ламмене процветала, будущее семьи было обеспечено, крупные виноторговцы в долине говорили о Кристофе с уважением и восхищением, а многие обращались к нему за советами. Помимо семейного наследия – опыта, накопленного многими поколениями предков-виноделов, – Кристоф обладал почти безошибочным чутьем. Самым близким его другом был Сэм Маршалл, владелец известного винного завода в долине. Сэм не мог похвастаться ни давними фамильными традициями, ни знанием французской культуры виноградарства, однако чувствовал, как получить первоклассные вина, и смело брал на вооружение новые способы. Он владел самыми обширными землями в долине, и Кристоф любил обмениваться с ним идеями.

Жена Сэма – Барбара – и Джой тоже подружились, в выходные две супружеские пары с детьми часто собирались вместе. Когда родилась Камилла, у Маршаллов уже был ребенок, мальчик семи лет. По воскресеньям они обедали всей компанией, и юный Филипп не мог оторвать глаз от малышки. Пока Кристоф готовил французские блюда, беседуя с

Сэмом о делах, женщины присматривали за детьми. Впервые Джой позволила Филиппу взять Камиллу на руки, когда той исполнилось две недели. Впрочем, значительную часть времени мальчишка предпочитал лазать по деревьям, бегать по полям, рвать фрукты в саду или кататься на велосипеде по подъездной дорожке.

Сэм Маршалл родился в долине и всего добился сам, собственным трудом. К делу своему он относился серьезно и бесконечно восхищался этим качеством в Кристофе. Сэма всегда раздражало, когда преуспевающие дельцы из больших городов вроде Лос-Анджелеса или даже Нью-Йорка покупали участки земли, сажали несколько кустов винограда и, ничего толком не зная о производстве вина, объявляли себя опытными виноделами, начинали важничать и зазнаваться. Сэм называл их «воскресными виноделами» и терпеть не мог подобных людей, как и его друг.

Кристоф был убежден, что секреты создания лучших вин должны передаваться из поколения в поколение, однако уважал Сэма за обширные познания и стремление учиться. Сэм так много работал, с такой жадностью впитывал новое, глубоко почитая землю со всеми ее плодами, что Кристоф проникся к нему искренней симпатией. Они оба предпочитали общество серьезных виноделов, способных поделиться ценными знаниями и опытом. Винный бизнес привлекал множество любителей. Солидные винодельни покупали люди с деньгами, главным образом нувориши, которым хоте-

лось покрасоваться. Вдобавок с годами в долину перебралась и «старая гвардия», аристократия из Сан-Франциско. Они держались обособленно, устраивали вечера, куда приглашали лишь избранных, и презирали остальных, хотя порой допускали в свой узкий круг наиболее известных виноделов, включая Кристофа, который, впрочем, не испытывал интереса к подобным сборищам.

Камилла росла в атмосфере счастья, созданной родителями, ее окружение составляли винодельческие династии долины Напа и несколько близких друзей. Со временем Кристоф купил новые участки земли, расширив границы своих владений, разбил виноградники и нанял еще одного управляющего, итальянца из Тосканы по имени Чезаре. Джой его недолюбливала – Камилла часто замечала недовольную гримасу на лице матери, стоило ему войти в контору или покинуть комнату.

Джой продолжала управлять финансами, пока Камилла росла. После школы девочка играла в виноградниках или бродила по винодельне. Она часто повторяла, что хочет учиться в Стэнфорде и стать виноделом, как мама и папа. Родители казались ей верхом совершенства, дочь восхищалась каждым их поступком и мечтала продолжить семейную традицию. Камилла постоянно ездила с родителями в Бордо, познакомилась с кузенами, с дядями и тетями Кристофа, но в долине Напа ей нравилось больше, свой дом она считала лучшим местом на земле. Как отец, Камилла не хотела жить

во Франции. Их любовь к Калифорнии разделяла и Джой. Маршаллы оставались самыми близкими их друзьями; пока дети росли, Филипп оказывался попеременно то учителем Камиллы, то ее героем. Семью годами старше девочки, он часто дразнил ее. Филипп учился в последнем классе школы, когда Камилле только исполнилось десять лет. И все же он не раз защищал свою маленькую подружку, заметив, что ее обижают. Филипп присматривал за ней как за младшей сестрой, но вскоре поступил в колледж и, к сожалению Камиллы, они стали видеться только во время каникул.

В то лето, когда на очередном ежегодном маммографическом исследовании у Джой обнаружили рак груди и мир их семьи рухнул, ей было сорок четыре, Кристофу на год больше, а Камилле едва исполнилось семнадцать лет. Врачи решили обойтись без ампутации груди и удалить только опухоль. Они рассчитывали, что сумеют победить болезнь в течение года с помощью интенсивной химиотерапии и облучения. Кристоф обезумел от ужаса. После курса процедур состояние Джой ухудшилось, однако она продолжала каждый день приходить ненадолго в винодельню, а Камилла старалась помочь ей. Джой не желала сдаваться и храбро сражалась со страшной болезнью. Зимой ей стало хуже, для семьи наступили самые мрачные времена, но Джой по-прежнему не теряла воли к жизни и делала все, чтобы исцелиться. Позднее она говорила, что боролась ради Камиллы и Кристо-

фа. Год спустя врачи объявили, что лечение прошло успешно; наступила ремиссия, и семья облегченно вздохнула. Прошедший год стал для всех мучительным испытанием, и новость о том, что Камиллу приняли в Стэнфорд, казалась не столь уж важной, пока не стало известно, что Джой снова здорова.

Они с радостью отпраздновали окончание школы, а перед выпуском устроили для Камиллы вечеринку – отметили ее восемнадцатилетие. В их дом вернулось счастье. Вечеринка предназначалась для ровесников Камиллы, в основном одноклассников, да родителей, пришедших поздравить Джой с Кристофом. Находились там и Маршаллы. Они рассказали, что теперь Филипп постоянно в разъездах, занимается продвижением и продажей их вин. Дела у него шли прекрасно. Он жил полгода в Чили, работал на винодельне приятеля, а предыдущий год провел в Кейптауне. Оба региона винодельческие, их часто сравнивают с долиной Напа. Филипп путешествовал по всему миру, изучая виноделие.

Джой выглядела прекрасно, Маршаллы почувствовали огромное облегчение, видя ее здоровой, а после ужина жена Сэма, Барбара, шепотом призналась ей, что у нее обнаружили ту же болезнь. На следующей неделе ее ожидала операция в Сан-Франциско, двойная мастэктомия. Барбара была на десять лет старше Джой, неясное будущее пугало ее. Женщины говорили долго, Джой убеждала подругу, что все будет хорошо. Барбара выглядела смущенной, словно продолжала

сомневаться, хотя и пыталась верить. Ее мучил страх, как и Сэма. Вначале они решили ничего не сообщать Филиппу: не хотели волновать его и долго откладывали объяснение, — однако Барбаре предстояла операция и больше тянуть было нельзя. Они договорились рассказать сыну о болезни, когда он вернется из поездки.

Джой ничего не скрывала от дочери. Камилла видела, как тяжело проходили сеансы химиотерапии. Джой очень тревожила неблагоприятная наследственность, с тех пор как ее мама умерла в сорок лет от рака груди. Но в семье у Барбары не было случаев онкологических заболеваний, несчастье обрушилось на нее неожиданно. Страшный диагноз прозвучал словно гром среди ясного неба, и каких бы успехов ни добился в делах Сэм, как бы щедро ни тратили Маршаллы деньги на лечение, как бы сильно ни любили друг друга, это ничего не меняло: Барбару настигла жестокая болезнь.

Своими страхами она поделилась с подругой. Барбара была красивой женщиной и с горечью думала о том, что фигура будет обезображена, но пугала ее и мысль о болезненной восстановительной операции после мастэктомии. Их с Сэмом брак был таким же счастливым и прочным, как у Джой с Кристофом, однако теперь им предстояло выдержать самое тяжелое испытание в жизни. То, что выпало на долю семьи Ламмене. Они знали: отнюдь не все браки в долине Напа столь же благополучны, как их собственный. Здесь всегда любили посплетничать о соседях, обсудить, кто с кем спит.

Немногочисленное население долины составляли люди амбициозные, раздираемые духом соперничества, многие знакомые Маршаллов не хранили верность в браке.

Джой с Кристофом никогда не принадлежали к светским кругам местного общества, да и не стремились к этому. Как и Сэм с Барбарой. Несмотря на ошеломляющие успехи Сэма в бизнесе, Маршаллы вели простую, тихую жизнь. До замужества Барбара работала стюардессой. Теперь же ее супруг стал владельцем самого крупного и преуспевающего винного завода в долине Напа, которая всегда манила честолюбцев и нуворишей. Сюда стекались огромные деньги, и многие виноделы, подобно Сэму с Кристофом, заработали здесь крупное состояние. Единственной уступкой Маршаллов своему положению хозяев винной империи, основанной Сэмом, был ежегодный бал в сентябре по случаю праздника урожая. Однажды после поездки в Италию Барбара ради шутки попросила гостей прийти в маскарадных костюмах. Всем так понравился вечер, что с тех пор Маршаллы сделали костюмированный бал традицией. Джой с мужем не пропускали ежегодные маскарады, невзирая на протесты Кристофа, который чувствовал себя нелепо в костюме Людовика XV – в атласных бриджах, парике и маске.

«Раз мне приходится участвовать, то и ты потерпишь, – твердил ему Сэм. – Барбара убьет меня, если откажусь». Сэм с радостью исполнял желания жены, лишь бы видеть ее счастливой, а она из года в год выглядела восхитительно во

всех нарядах. «Надо было нам в первый раз устроить барбекю вместо бала, тогда не пришлось бы каждый год наряжаться в дурацкие костюмы», – добродушно ворчал он, однако осенние балы со щедрым угощением, танцами под оркестр, приглашенный из Сан-Франциско, и праздничными фейерверками над бескрайними виноградниками Маршаллов неизменно имели грандиозный успех. В отличие от маленького элегантного шато Ламмене, их огромный дом работы знаменитого мексиканского архитектора был построен и оформлен в стиле хай-тек, там хранилась всемирно известная коллекция современного искусства. У Маршаллов было семь работ Пикассо, часто выставлявшихся в музеях по всему миру, множество произведений Шагала и одно полотно Джексона Поллока, при виде которого Джой с ее страстной любовью к живописи охватывал трепет.

Лето после окончания школы Камилла провела за работой в конторе винодельни вместе с матерью – так бывало каждый год с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать лет. Это лето стало четвертым. Ей предстояло уехать в Стэнфорд, родители волновались, как и сама Камилла. Она планировала после бакалавриата прервать обучение и проработать несколько лет на родительском винном заводе, прежде чем поступать в школу бизнеса, чтобы получить степень магистра делового администрирования. Камилла не стремилась оторваться от родителей и найти работу в другом месте. Отец часто говорил, что ей пошло бы на пользу пожить год в Бордо

с его родными, приобрести опыт и подучить французский, в их бизнесе это не лишнее. Однако она никогда не уезжала так далеко от дома и не собиралась ничего менять. Она была счастлива в шато «Джой» с родителями и хотела жить и работать вместе с ними.

В то лето Джой часто навещала подругу. Начался курс химиотерапии, лечение проходило крайне тяжело, и Сэм с Филиппом находились в постоянном страхе. Каждый раз при встрече с ними Ламмене видели тревогу на их лицах. Барбара переносила процедуры даже хуже, чем Джой. Камилла поступила в Стэнфорд и почти каждые выходные приезжала домой. Джой это немного беспокоило. Однажды она сказала Кристофу, что Камилла слишком привязана к ним и ведет чересчур замкнутую жизнь для девушки ее возраста. Ей нужно набраться храбрости и выйти в мир, считала Джой, хотя бы ненадолго.

«Камилла хочет быть здесь, – с улыбкой возразил жене Кристоф и поцеловал ее. – Она – наш единственный ребенок, не гони дочь». Ему нравилось видеть Камиллу рядом и знать, что оставаться дома с родителями – ее выбор. Когда дочь была моложе, они с женой подумывали о втором ребенке и часто обсуждали это, но их жизнь втроем была слишком счастливой, чтобы менять ее, а после того как Джой победила рак, оказалось уже поздно.

Кристофа не огорчало, что у него нет сына, так он все-

гда говорил. Он хотел, чтобы однажды, когда они с Джой состарятся, управление винодельней взяла в свои руки Камилла, и не сомневался, что дочь прекрасно справится. Она унаследовала от матери финансовый талант и деловое чутье, а Кристоф намеренно сдерживал рост семейного предприятия, чтобы виноградниками и заводом легко было управлять. Он не стремился стать хозяином необъятной империи, как у Сэма Маршалла, его мечтой была маленькая, однако первоклассная винодельня, такая как шато «Джой». Небольшой, легко управляемый завод вполне устраивал их с женой, они не планировали расширять бизнес, хотя порой им приходилось выдерживать битвы с Чезаре из-за виноградников.

Чезаре работал у них долгие годы, но Джой по-прежнему держалась с ним отчужденно, как с непрошеным гостем, и не доверяла ему. С деньгами на текущие расходы он обращался весьма небрежно, не считал нужным отчитываться перед Джой и обвинял ее в придирках. Она же ожесточенно спорила с ним и требовала объяснений, что приводило в бешенство их обоих. Они постоянно препирались, Чезаре редко выходил из ее кабинета, не хлопнув дверью. Кристоф подозревал, что часть денег он кладет себе в карман, но Чезаре знал каждый куст, каждую лозу в виноградниках и лелеял их, как собственных детей. Он обладал сверхъестественным чутьем и всегда точно знал, что необходимо растениям. Кристоф ценил Чезаре как лучшего управляющего в долине и терпел его нечистоплотность в денежных вопросах. Его

больше заботили виноградники, чем лишние траты. Что же до Джой, то она не желала мириться с выходками управляющего и не соглашалась с мужем. У них тоже нередко возникали споры.

Кристоф легко прощал Чезаре мелкие грешки, отдавая должное его знаниям, добросовестности в работе и безмерной любви к виноградникам. В глазах Кристофа эти достоинства с лихвой окупали пропажу нескольких долларов, ему не хотелось поднимать шум по пустякам.

Кристоф был опытным виноделом. Он создал шато «Джой» и добился успеха. Его жена заботилась о практической стороне дела, скрупулезно вела бухгалтерию и следила, чтобы все колесики и винтики в механизме завода крутились исправно. Работая в паре, они прекрасно дополняли друг друга.

Камилла с удовольствием училась в Стэнфорде, заводила новые знакомства, ее окружало множество людей из самых разных уголков Америки и других стран, но, как только у нее появлялась возможность съездить домой, она возвращалась к родителям. Своей специализацией в университете, как и ее мать когда-то, Камилла выбрала экономику. Большинство знакомых студентов надеялись найти работу в Кремниевой долине, в какой-нибудь финансовой компании, связанной с высокими технологиями, или собирались отправиться в Нью-Йорк в поисках места на Уолл-стрит. Камилла хотела лишь одного: окончить колледж и помогать роди-

телям на винодельне. До выпуска оставалось три месяца, ей предстояло завершить дипломную работу и сдать последние экзамены, когда, приехав в долину Напа на выходные, она заметила на мамином столе медицинский бланк – напоминание, что настало время сделать маммографию. Мысленно Камилла вернулась в прошлое, к тем ужасным дням, когда у матери диагностировали рак и ей пришлось в течение года проходить лечение.

Барбаре Маршалл повезло меньше. Мучительная химиотерапия лишила ее последних сил, а опухоль продолжала расти, и через восемь месяцев после того, как впервые прозвучал страшный диагноз, Барбара умерла. Сэм с Филиппом были раздавлены горем. Со дня смерти Барбары миновало чуть более трех лет, когда обучение Камиллы в колледже приблизилось к завершению. Филипп управлял винным заводом вместе с отцом, а в свободное время встречался с девушками. В долине его считали жизнелюбом, полным неумеренной энергии, он любил быстрые дорогие автомобили и красивых женщин. Камилла часто видела его в красном «феррари» с хорошенькой спутницей, всякий раз с новой. Она поддразнивала Филиппа за это, а он по-прежнему держал себя с ней как с младшей сестрой. Теперь, когда ей исполнилось двадцать два года, а ему – двадцать девять, семилетняя разница в возрасте ощущалась особенно остро. Филипп стал частью мира взрослых, вошел в круг солидных виноделов долины Напа, чьи сыновья, его ровесники, готовились, как и

он сам, взять в свои руки отцовское дело и вместе с властью принять на себя ответственность. Но прежде им предстояло еще многому научиться, к чему Филипп относился весьма серьезно. Его студенческие дни давно остались в прошлом, он часто повторял, что Камилла еще не скоро сможет занять свое место во взрослом мире, и столь снисходительное отношение раздражало ее. О родительской винодельне Камилла знала не меньше, чем Филипп об отцовской, однако он не желал этого признавать и обращался с ней как с несмышленным подростком, хотя она считала себя взрослой женщиной.

Камилла слышала, как родители упоминали, что Сэм уже почти два года встречается с женщиной-конгрессменом из Лос-Анджелеса, но никогда не видела ее. На публике он появлялся один или с Филиппом. После смерти жены Сэм заметно постарел, стал неулыбчивым и еще более серьезным, чем раньше. Семья Ламмене тоже тяжело переживала утрату, а Камилла, вспоминая Барбару, всегда тревожилась за мать.

– Ты ведь по-прежнему делаешь маммографию дважды в год, мама? – спросила она, увидев на столе напоминание из клиники.

– Конечно, – улыбнулась Джой, усаживаясь перед одним из своих толстенных грессбухов. – Жду не дождусь, когда ты вернешься домой, чтобы взвалить на тебя часть работы.

Она высоко ценила способности дочери, ее основательность, организованность и знания. Камилла взяла от матери

все лучшее. Вдобавок о секретах виноделия она знала больше, чем Джой. Кристоф обучал ее своему ремеслу с раннего детства, и за минувшие годы Камилла постигла многое из того, о чем ее мать не имела ни малейшего представления. Виноделие было словно записано у нее в генах, как у отца. Джой занималась контрактами и финансами, а Камилла с Кристофом боготворили вино.

– Потерпи, через три месяца я буду здесь, – произнесла Камилла.

Джой освободила для нее кабинет и с радостью предвкушала, как будет видеться с дочерью каждый день. Сбывалась заключительная часть их мечты: отныне им предстояло работать в винодельне вместе, плечом к плечу. Однажды, думала Джой, когда они будут готовы уйти на покой, дело перейдет в руки Камиллы, хотя случится это еще не скоро. Ей было всего сорок девять лет, а Кристофу недавно исполнилось пятьдесят.

Весь следующий месяц после отъезда дочери Джой была занята, на столе у нее лежала масса документов, вдобавок Кристоф подбирал этикетку для нового вина и попросил ее помочь. Джой всегда сама рисовала эскизы винных этикеток. Кристоф отобрал два рисунка, которые понравились ему больше всего, и теперь никак не мог решить, какой вариант предпочесть. Камилла уже отдала свой голос, когда приезжала домой на выходные.

Лишь через четыре недели после последнего визита доче-

ри Джой обнаружила среди вороха бумаг в ящике стола письмо с напоминанием и позвонила в больницу, чтобы договориться о маммографии. Джой сделала это скорее для проформы: с тех пор как ей удалось победить рак, миновало пять лет, и считалось, что она успешно вылечилась. И все же Джой немного нервничала: а если молния ударит во второй раз? Ее мать умерла, не дожив до возраста Джой, но Кристоф повторял, что они из породы везучих, магические чары защищают их от любого зла. Каждый раз, слыша это, Джой старалась не думать о печальной судьбе Барбары Маршалл.

Джой записалась на прием и, пользуясь случаем, запланировала другие дела в городе, куда выбиралась нечасто. Сан-Франциско находился всего в полутора часах езды, но в долине Напа ей казалось, будто он на далекой планете. Джой не хотела никуда уезжать из дома, хотя Кристофу периодически приходилось летать по стране, бывать в Европе и в Азии, договариваясь о поставках вина. Он с нетерпением ждал, когда Камилла окончит университет, начнет работать в полную силу и сможет ездить вместе с ним.

В клинике хранилась история болезни Джой, и маммография была лишь очередной проверкой, не более. Медсестра попросила ее подождать, не одеваться, пока врач не изучит снимки. Она сказала это с улыбкой, словно все шло прекрасно, и Джой почувствовала облегчение. Оставшись одна в кабинете, она принялась просматривать деловую переписку и отвечать на сообщения.

Наконец в комнату вошел молодой врач, Джой видела его впервые. Она не смогла ничего прочесть в его глазах, пока он выдвигал табурет и усаживался напротив нее. В руке врач держал конверт с ее маммографическими снимками. Начав говорить, он повернулся к стене и закрепил снимки на подсвеченном стенде. Врач указал на серую область на груди, прежде не затронутой опухолью, затем повернулся к Джой, и лицо его стало серьезным.

– Здесь имеется затемнение, которое мне не нравится, миссис Ламмене. Если у вас есть время, я хотел бы сегодня же провести биопсию. Учитывая ваш анамнез, полагаю, откладывать было бы неразумно. Забор ткани не займет много времени, а мне важно выяснить, с чем мы имеем дело.

Джой показалось, что сердце ее вот-вот выскочит из груди или вовсе остановится. Эти же слова она слышала пять лет назад.

– По-вашему, есть повод для тревоги? – Джой едва узнала собственный голос, скрипучий, напоминавший воронье карканье.

– Я бы предпочел, чтобы этого затемнения не было. Возможно, тут ничего серьезного нет и волноваться не о чем, однако мы должны знать наверняка.

Врач продолжал говорить, но его слова доносились откуда-то издалека и сливались в бессмысленный гул. Джой послушно, как робот, последовала за медсестрой в другой кабинет, где с нее сняли больничный халат, накрыли тело хи-

ругической простыней и, пока она лежала на столе, «заморозили» нужный участок, а затем взяли пробу, что оказалось весьма болезненно. Она размышляла о том злосчастном годе, когда ей пришлось проходить курс химиотерапии; о смерти Барбары Маршалл, чья борьба с болезнью длилась восемь месяцев; о своей маме, скончавшейся от рака груди в сорок лет. Пока проводилась биопсия, по лицу Джой катились слезы, а когда все закончилось, она, рыдая, выбежала из больницы и бросилась вниз по лестнице к машине. Ей сказали, что позвонят, когда будут готовы результаты исследования, но она не хотела слушать заключение. Джой понимала, что ее ждет. Говорят, молния не ударяет дважды в одно дерево, но она знала: это случилось. Чувствовала сердцем. Что ей сказать Кристофу и Камилле, если у нее снова обнаружат рак? Ничего не видя от слез, она села в автомобиль и поехала обратно в долину Напа. Джой казалось, будто она уже мертва. Она пыталась сосредоточиться на дороге, и впервые ее охватило предчувствие близкой смерти. Один раз выкарабкалась, но разве чудо случается дважды?

Глава 2

Ей позвонили через пять дней, чтобы сообщить результаты анализа, но Джой едва слышала голос в трубке, словно звуки пробивались сквозь толстую ватную стену. Она хорошо знала и этот особый язык, и медицинские термины. Исследование взятой ткани подтвердило наличие злокачественной опухоли, Джой сообщили все подробности и на сей раз рекомендовали мастэктомию, а с учетом истории ее болезни – двойную, для верности. Врач хотел провести операцию как можно скорее, чтобы, лишь только Джой оправится, начать курс химиотерапии. Для нее это прозвучало как смертный приговор, она вспомнила день, когда Барбара Маршалл впервые поделилась с ней своей бедой.

– Я вам позвоню, – рассеянно сказала Джой врачу, прежде чем повесить трубку.

Она не хотела говорить дочери о болезни, боялась испортить ее последние дни в Стэнфорде или даже сорвать выпускные экзамены, а если бы новость узнал Кристоф, то не находил бы себе места от тревоги, и Камилла это почувствовала бы. Операция может подождать три месяца, решила Джой. Какая разница? Если рак вернулся, скорее всего она обречена. Ей нужно было время, чтобы свыкнуться с этой мыслью и взглянуть правде в глаза. Джой позвонила врачу через три дня. Согласилась лечь на операцию через

неделю после того, как Камилла окончит университет, и онколог предложил компромисс: три сеанса лучевой терапии перед операцией, чтобы уменьшить опухоль. Джой согласилась, ничего не сказав ни мужу, ни дочери. В первый раз она отправилась в город, когда Кристоф уезжал на целый день в Лос-Анджелес; во второй раз – когда ему пришлось улететь в Даллас, а в третий – когда Сэм Маршалл пригласил его к себе на конференцию виноделов. Так Джой удалось пройти курс радиотерапии перед выпуском Камиллы, и никто об этом не узнал.

Она безумно боялась мастэктомии и сомневалась, следует ли соглашаться на восстановительную пластическую операцию после удаления груди. Врач предупредил, что на сей раз придется прибегнуть к более агрессивной терапии, и со сдержанным оптимизмом заверил: хирургическая операция, химио- и радиотерапия способны победить болезнь. Джой хотела бы ему верить, но не верила.

Когда перед окончанием университета Камилла приехала домой на выходные с двумя подругами, Джой держалась как ни в чем не бывало, хотя ее не оставляло ощущение, будто она беспомощно барахтается под водой. Ей предстояло дождаться вручения дипломов, лечь на операцию, а потом в течение года проходить курс химиотерапии и облучения.

Церемония окончания университета была торжественной, в точности такой и представляла ее Камилла. Джой вспомнила, как ей самой вручали диплом. Потом было прощание

с друзьями, слезы при расставании и долгая дорога домой, в долину Напа, на пикапе винодельни, куда сложили все вещи Камиллы. На следующий день родители заказали для дочери ужин в ресторане «Оберж дю солей». А через два дня Джой рассказала домашним о раке, и они помертвели, словно перед ними разорвалась бомба. Аналогичное чувство испытала Джой, узнав о злокачественной опухоли в здоровой груди. Кристоф с Камиллой были так потрясены, что не смогли удержаться от слез. Джой старалась бодриться ради них, они заверили друг друга, что все будет хорошо. О Барбаре Маршалл не упоминали. Ночью Кристоф крепко прижал к себе жену, и она почувствовала у себя на щеках его слезы.

– Все у меня будет в порядке, – пообещала она, обнимая мужа.

– Да. Ты нужна нам с Камиллой.

Джой кивнула, не в силах говорить, и еще долго лежала без сна, размышляя о том, как любит их и как несправедлива, как жестока порой бывает жизнь. Они были совершенно счастливы, а этот кошмар уже во второй раз все разрушил. Оставалось только молиться, чтобы слова их сбылись и ей снова удалось победить болезнь. Джой должна выздороветь. Ради Кристофа и Камиллы.

Операция прошла успешно, без осложнений, и через семь дней Джой привезли домой. Она была еще слаба, ходила с трудом, однако уже через неделю вернулась к себе в кабинет.

Ей хотелось многому научить дочь, чтобы та могла взять на себя часть работы, пока сама Джой больна, и помочь отцу в будущем, если понадобится.

Камилла была способной ученицей, схватывала все на лету и быстро усваивала уроки матери. Она понимала, что приходится переживать Джой, и стремилась избавить ее от лишних проблем.

Месяц спустя начались сеансы химиотерапии. Как и в прошлый раз, их проводили в местной больнице, так что Джой не приходилось тратить время на дорогу в город и обратно. Лечение и теперь проходило крайне тяжело, Джой сильно сдала, вдобавок вскоре после первого сеанса у нее начали выпадать волосы. Она достала из шкафа парик, который носила пять лет назад, и это вселило в нее глубокое уныние. Изнурительное лето тянулось долго, и к середине августа Джой настолько ослабла, что уже не могла работать в конторе. У нее хватало сил лишь на то, чтобы на несколько минут встать с постели и побродить по спальне в шато, а Камилла убеждала ее, что прекрасно справляется со всеми делами. Так и было, только Кристоф ходил мрачный и подавленный, хотя никогда не показывал жене своего настроения.

В сентябре Джой была слишком слаба и измучена, чтобы ехать на бал в честь праздника урожая. Кристоф грустно пошутил, что на сей раз ему удастся отвертеться, однако жена горячо запротестовала.

– Ты не можешь так поступить с Сэмом! – возразила она

с неожиданной твердостью. – Он рассчитывает, что мы придем, ему сейчас нужна твоя поддержка. В прошлом году Сэм сказал мне, что продолжает устраивать балы в память о Барбаре. Ты должен пойти. Можешь взять с собой Камиллу. Она наденет мое платье, у нас с ней один размер. Вы прекрасно повеселитесь вместе.

Кристоф горестно застонал, хотя в душе понимал: жена права. Джой позвала дочь к себе в комнату, чтобы подобрать ей костюм и помочь одеться. Камилла выглядела элегантно в изысканном наряде молодой Марии-Антуанетты, когда вышла с отцом из дому. Джой растроганно смотрела, как они садятся в автомобиль. В дом Маршаллов они приехали на «астон мартине» Кристофа, его радости и гордости. На балу с отцом, в маскарадном костюме матери, Камилла вдруг почувствовала себя совсем взрослой.

При виде них Сэм испытал облегчение.

– Я так рад, что вы здесь, – произнес он, понимая, что Кристофу пришлось сделать над собой усилие, и это ценил. Сэм улыбнулся Камилле, узнав ее под маской, затем серьезно посмотрел на своего друга: – Как дела у Джой?

– Сейчас ей несладко, но ты ведь ее знаешь, она сильная женщина. Джой справится, – отозвался Кристоф.

Сэм кивнул, надеясь, что приятель прав.

Они направились к столам с изумительными дарами моря, шампанским, икрой и водкой для любителей этого напитка. Был там и жареный молочный поросенок, и стол с блюдами

индонезийской кухни, и доставленная из Японии мраморная говядина кобе, такая нежная, что ее можно есть без ножа, одной лишь вилкой. Рядом с изысканными закусками стояли лучшие вина Сэма. Гости танцевали под звуки оркестра из десяти музыкантов, но за масками трудно было различить знакомые лица.

Камилла сняла маску, когда к ней приблизился Филипп. Она заметила его среди танцующих возле ослепительно красивой девушки, похожей на модель, но он оставил свою спутницу на несколько минут, чтобы поговорить с Камиллой. Они встречались в последний раз еще до болезни Джой и не виделись несколько месяцев. Когда Камилла приезжала домой на рождественские каникулы, Филипп находился в отъезде, катался на горных лыжах. Теперь пути их пересекались нечасто, разве что иногда им случалось столкнуться в Сент-Хелине. Вечно занятый, Филипп был постарше Камиллы, они вращались в разных кругах, вдобавок она целое лето помогала матери и возила ее на сеансы химиотерапии. Камилла боялась оставлять Джой, не отлучалась в город даже по делам.

– Жаль, что твоя мама больна, – промолвил Филипп. – Кстати, поздравляю с окончанием университета. Добро пожаловать в мир работающих! – Он всегда подшучивал над Камиллой. Она улыбнулась ему, но Филипп заметил на ее лице следы усталости и тревоги. В его глазах мелькнуло сочувствие. – Надо будет заглянуть к вам на днях, – произнес

он.

Его отец тоже говорил, что хотел бы навестить Джой, но боится беспокоить ее, когда она так слаба. Камилла обратила внимание, что девушка Филиппа стоит в нескольких футах поодаль и нетерпеливо, с досадой следит за их разговором. Камилла не представляла для нее угрозы. Филипп привык видеть в ней младшую сестру, и даже теперь, в восхитительном платье матери, она казалась ему ребенком. Рядом с ним Камилла почувствовала себя маленькой девочкой, которая красуется перед приятелем, играя в переодевания.

– Мне надо идти, – сказал он, взглянув поверх ее плеча на свою подругу.

Камилла кивнула.

Она танцевала только раз, с отцом, затем они уехали домой. Шумное сборище не столько развлекло их, сколько утомило – на балу собралось пять сотен человек. Празднично украшенный, сверкающий огнями сад с рядами фигурно подстриженных деревьев, взятых в аренду по случаю торжества, смотрелся великолепно, для гостей подготовили множество развлечений. Отец Камиллы встретил знакомых, успел со многими из них переброситься несколькими фразами и тоже устал. Оба волновались за Джой. Вернувшись домой, они застали ее спящей. Камилла пожелала отцу доброй ночи, поцеловала его и отправилась по коридору к своей спальне: ей не терпелось избавиться от белого парика и сменить платье на ночную рубашку.

На следующий день Джой захотела услышать подробнейший отчет, и Кристоф постарался приукрасить свой рассказ, сделав вид, будто бал прошел веселее, чем в действительности. Камилла принесла матери завтрак, помогла ей повязать вокруг головы шарф, которым Джой иногда пользовалась вместо парика, чтобы скрыть облысение, а затем, хотя день был субботний, направилась в контору винодельни. У нее скопилось много дел, вдобавок работа помогала отвлечься от горьких мыслей. Джой угасала с каждым днем, а они с отцом не могли этому помешать. Кристоф не желал признавать очевидное и твердил жене, что она победит болезнь, однако все указывало на обратное. Шел сбор винограда, Джой страшно исхудала, почти не вставала с постели и дремала большую часть дня. Она представления не имела, что происходит за пределами ее спальни.

Настало время проводить повторный курс химиотерапии, но уровень лейкоцитов в ее крови был слишком высок, вдобавок Джой так ослабла, что врачи решили отложить лечение. Она старательно вспоминала, что хотела сказать Камилле, и держала возле кровати маленький блокнот для заметок, боясь забыть что-нибудь важное. Казалось, Джой пытается передать дочери весь свой опыт и знания, необходимые для управления винодельней и помощи отцу. Но в конце концов природа взяла свое, и последние несколько дней Джой пролежала в забытии. В ночь перед смертью она улыбалась сквозь сон в объятиях Кристофа, а дочь ненадолго входила в

комнату, чтобы их проведать. Она молча сидела рядом с отцом, держа его за руку, когда мама перестала дышать. Кристоф прижал к себе жену, а Камилла придвинулась ближе и беззвучно заплакала. Потом они обнялись, но к тому времени Джой уже не было с ними. Она умерла.

Похороны прошли торжественно и строго. Камилла украсила церковь белыми цветами. На церемонию собрались все крупные виноделы долины и множество рангом пониже, друзья семьи, служащие и рабочие с виноградников. Мужчины надели костюмы, а женщины – приличествующие случаю платья. Сэм Маршалл был одним из тех, кто выносил гроб. После службы Филипп подошел к Камилле и обнял ее, по щекам его катились слезы. Что он мог сказать ей? Они стояли обнявшись, как дети, которым хорошо знакома чужая боль. Им не нужны были слова.

– Какое горе, – прошептал Филипп на прощание, прежде чем уехать вместе с отцом на красном «феррари».

Смерть Джой напомнила Маршаллам о собственной утрате – миновало почти четыре года с тех пор, как не стало Барбары.

Десятки людей пришли в шато после похорон. Камилла заказала у поставщиков винодельни бутерброды, салаты и легкие закуски, а Кристоф открыл свои лучшие вина, которые присутствующие оценили по достоинству. Для Кристофа и Камиллы это был ужасный день. Они не представля-

ли жизни без Джой. Она являлась осью их мира, движущей силой всех побед. Кристоф с необычайной остротой вдруг осознал, что находил в жене не только опору, но источник вдохновения. Камилла поняла, почему мама так отчаянно спешила всему ее научить. Она знала, что умирает. Теперь пришло время Камилле заботиться об отце и помогать ему управлять винодельней. Хотела она того или нет, ей предстояло пойти по стопам матери. Отныне будущее шато «Джой» зависело и от нее тоже. Огромная ответственность лежала на ее плечах, Камилла побаивалась, однако отступить не могла. Она должна была найти способ исполнить свой долг, чего бы это ни стоило.

Глава 3

В понедельник после похорон матери Камилла проснулась с чувством, будто тело налилось свинцом, но заставила себя подняться с кровати, принять душ и одеться, а затем спустилась в кухню приготовить отцу завтрак, как это делала Джой до болезни. Пока она ухаживала за матерью, Кристоф стряпал себе сам, однако теперь настало время Камилле заботиться о нем. Ракель, их экономка, обычно являлась позднее, убиралась в доме и оставляла для них обед. По утрам ей приходилось отправлять детей в школу, так что появлялась она лишь в десять часов.

Камилла передала отцу газету и кофе. Он с удивлением посмотрел на нее: Кристоф не ожидал увидеть дочь так рано, его поразило, что она давно проснулась и собранно, деловито распоряжалась в кухне. Она была так похожа на мать, Кристоф всегда улыбался, думая об этом.

– Сегодня у меня много работы в офисе, – тихо произнесла дочь, ставя перед ним тарелку с яичницей, такой как он любил: с двумя хрустящими ломтиками поджаренного бекона и тостом из цельнозернового хлеба.

– Это мама попросила тебя кормить меня завтраком? – промолвил он со слезами на глазах.

Камилла покачала головой. Мама не просила. Ей не нужно было просить. Камилла сама знала, что должна делать.

Больше некому заботиться об отце.

Она поджарила себе тост и составила список дел на день. На прошедшей неделе Камилла занималась бухгалтерскими книгами, но часть работы отложила. А ведь она обещала матери, что станет перепроверять счета Чезаре.

Камилла знала, как больно будет приходиться в контору и не видеть маму. Вдобавок от папы осталась одна тень, горе его сломило. В последние дни Джой не раз шептала ей, прежде чем забыться сном: «Позаботься о нем». Камилла дала себе слово сделать это и старательно, кропотливо вести бухгалтерию на винодельне. Она чувствовала: ее детство закончилось. Ей придется повзрослеть и остаться в шато. Ради папы. Он привык, что рядом с ним сильная женщина. Без Джой он потеряет почву под ногами, Камилла хорошо это понимала.

После завтрака они вместе отправились в контору завода. Отец исчез в дальнем крыле здания, а Камилла вошла в свой кабинет, смежный с маминым, ставшим теперь тихим и пустым. Она увидела Чезаре: тот просматривал какие-то бумаги. При виде Камиллы он вздрогнул от неожиданности.

– Что вы здесь делаете? – резко спросила она.

Чезаре, пожав плечами, заявил, что искал свой отчет о расходах.

– На прошлой неделе я отдал его Джой, а сейчас не могу найти свой экземпляр. Хотел сделать копию.

– Мамы не было здесь с августа, – сурово произнесла Камилла. Чезаре постоянно лгал, что приводило Джой в бешен-

СТВО.

– Ну, значит, я передал ей бумаги раньше. Ты же понимаешь, что я хочу сказать.

Он был раздражен и нарочно повысил голос, пытаясь запугать Камиллу, словно разговаривал с ребенком. Однако Чезаре просчитался. Камилла уже не была ребенком. В память о матери она считала своим долгом аккуратно вести дела, даже если Чезаре не принимал ее всерьез.

– Нет, я не понимаю, что вы хотите сказать. Не приходите больше сюда и не ройтесь в мамином столе. Если вам что-нибудь нужно, спросите у меня. В моем кабинете множество документов, в том числе и отчеты о расходах. Они лежат в сейфе.

Камилла солгала, просто ей не хотелось, чтобы Чезаре копался в ее бумагах. У него хватило бы наглости обыскать и ее стол, это было вполне в его стиле. Кристоф высоко ценил его как управляющего, и Чезаре бессовестно этим пользовался.

– Тогда дай мне мой отчет! – грубо крикнул он. – Я хочу кое-что к нему добавить и получить свои деньги. Мне уже долгие месяцы не возмещают расходы.

– Неправда. Я видела, как мама подписала вам чек, когда в последний раз находилась в конторе.

– Чек покрыл лишь часть того, что она мне задолжала, – упрямо возразил Чезаре, и в его голосе прозвучала угроза. Он все больше распалялся и размахивал руками, как часто бывало во время его препирательств с Джой.

– Я посмотрю среди документов. Но если вам потребовались дополнительные расходы, мне нужны квитанции, – заявила Камилла.

– Это ее рук дело? Она постоянно меня обижала, а теперь и тебя научила? Квитанции, квитанции, вечно квитанции. Полагаешь, я у вас ворую? Так считала твоя мать.

Камилла подозревала, что Джой была права. Чезаре не присваивал крупных сумм, однако воровал по мелочам и подделывал отчеты, не сомневаясь, что это сойдет ему с рук.

– По-моему, немного рано жаловаться, что вам не возместили расходов. Вы не согласны? Мы только позавчера, в субботу, похоронили маму. На этой неделе я разберусь со всеми документами. Просто принесите мне квитанции, – сухо произнесла Камилла.

Чезаре бросил на нее свирепый взгляд, протопал через кабинет и напоследок громко хлопнул дверью, как делал обычно после ссоры с Джой. Оставшись одна, Камилла горько усмехнулась. Она знала: Чезаре и не подумает предъявить квитанции, подтверждающие расходы, а отец посмотрит на это сквозь пальцы и позволит ему выкрутиться. Едва ли теперь следовало ждать перемен.

В тот день Камилла несколько раз заходила проведать отца и успела разобрать часть бумаг матери. Кристоф обедал с двумя новыми виноторговцами, а она перекусила салатом у себя за столом.

Неделя без Джой показалась ей бесконечной, особенно

долго тянулись печальные вечера и ночи. Отец отправлялся к себе в спальню в восемь часов, а Камилла, лежа в постели, читала принесенные из конторы документы. К концу недели она полностью вошла в курс всех дел. Камилла не позволяла себе забыть о работе, даже когда умирала мать. В самые черные дни работа – единственное, что помогало ей не сойти с ума.

День благодарения прошел тяжело, а Рождество и вовсе ужасно. Праздник благодарения они отметили вдвоем с отцом в кухне. Кристоф сказал, что не хочет индейки, и отказался ехать в гости, хотя приглашений они получили немало. Объяснил, что пока не готов встречаться с друзьями, и Камилла с ним согласилась. Она приготовила баранью ногу по-французски с чесночным соусом, картофельным пюре и зеленой фасолью, и получилось очень вкусно. Папа давно научил ее готовить это блюдо, она наблюдала за ним, когда он стоял у плиты. Кое-как они дотянули до конца дня.

Еще тоскливее прошло Рождество.

Камилла приобрела подарки для работников завода и множество милых пустячков для отца, такие вещицы обычно покупала ему Джой. Еще она выбрала для него кашемировый свитер, зная, что подарок ему понравится. Двое рабочих с виноградников установили для нее рождественскую елку в шато, а Ракель помогла ее нарядить. Когда Кристоф, вернувшись с работы, увидел елку, лицо его помрачнело. На праздничном вечере в конторе винодельни он сидел хмурый

и печальный. Сэм Маршалл пригласил Камиллу с отцом к себе в сочельник – он знал по собственному горькому опыту, как тяжело будет им встречать Рождество без Джой. Однако Кристоф наотрез отказался. Он не принял ни одного приглашения на рождественскую вечеринку той зимой. Минувало два с половиной месяца со дня смерти Джой, рана еще не затянулась. Кристоф с дочерью тяжело переживали утрату. Но Камилле приходилось заботиться об отце, и у нее не оставалось времени думать о чем-либо еще, кроме работы. Мама завещала ей присматривать за отцом, и она старалась изо всех сил.

В сочельник они с отцом сходили на вечернюю мессу, а на следующий день после Рождества, обменявшись подарками, прокатились вдвоем на велосипедах, и Камилла с облегчением поймала себя на мысли, что праздники завершаются. Это был тяжелый год. Она понимала, что со временем станет легче, однако первые месяцы давались им мучительно трудно. Камилла скучала по матери. Она видела, что отец пытается держаться, не падать духом, но двадцать три года любящая жена окружала его вниманием и заботой, и он не мог привыкнуть к жизни без нее. Кристоф ощущал чудовищную пустоту, хотя Камилла стремилась предупредить малейшее его желание.

Она с радостью встретила бы со старыми друзьями в праздничные дни, но не хотела оставлять Кристофа одного, а он даже в канун Нового года отправился спать в девять ча-

сов, и ей пришлось одной смотреть телевизор. На следующий день отец объявил, что с января снова начнет ездить по делам. Услышав это, Камилла испытала облегчение. С тех пор как заболела Джой, Кристоф забросил крупных заказчиков. Ему пошло бы на пользу с головой окунуться в работу и выйти наконец в мир, ведь это лучше, чем день за днем все глубже погружаться в уныние. Камилла хорошо это понимала, хотя знала, что будет скучать по отцу.

Во время первой поездки он посетил Англию, Швейцарию и Францию, а на выходные заехал в Бордо повидать родных. Когда отец вернулся, Камилла решила, что он выглядит неплохо. Впервые за долгие месяцы Кристоф казался оживленным. Ему даже удалось найти в Лондоне нового покупателя. Обычными заказчиками занимались их торговые представители и агенты, но со дня основания винного завода самых важных клиентов он посещал сам, и это приносило щедрые плоды. Обаятельный, умный, утонченный, о виноградарстве он знал абсолютно все. Во Франции, а затем в Штатах он постоянно выращивал виноград и превращал его в вино. Никто не смог бы лучше него продвинуть на рынке вина шато «Джой». Кристоф планировал в марте слетать в Италию и Испанию, подумывал посетить Голландию и Шотландию в апреле, а Японию, Гонконг и Шанхай – в мае. Он давно не встречался с крупными зарубежными клиентами, и ему предстояло многое наверстать.

Мартовская поездка в Италию была успешной, Кристоф

только вернулся домой, когда пришло приглашение на торжественный обед для самых известных виноделов долины Напа. Вечером за ужином в кухне Камилла спросила отца, пойдет ли он. В отсутствие Кристофа ей было одиноко, хотя работа с бухгалтерией, которую она пыталась освоить, не оставляла ни минуты свободного времени. Загруженная делами по горло, измотанная до предела, Камилла вдобавок простудилась.

– Я еще не отдохнул после полета, не хочу никуда ехать, – сказал Кристоф, положив себе на тарелку лишь пару лепешек-так, приготовленных Ракейль. После смерти Джой он заметно потерял в весе.

– Хорошо бы тебе съездить, папа, – произнесла Камилла. – Наверняка Сэм там тоже будет, почему бы вам не пойти вместе? – Ей было больно постоянно видеть отца печальным.

– Уверен, он предпочтет взять с собой подругу, а не меня, – хмуро пробурчал Кристоф.

– Он еще встречается с той женщиной, конгрессменом от Лос-Анджелеса?

Камилла что-то слышала о приятельнице Сэма, но никогда ее не видела, хотя со дня смерти Барбары миновало уже несколько лет. Сэм Маршалл был привлекательным мужчиной, однако о своей частной жизни говорить не любил, предпочитая держаться в тени.

– Думаю, да, но он об этом не рассказывает.

– А почему?

– Наверное, его подруга старается избегать журналистов, здесь она не выходит на общественную арену. – Несмотря на тесную дружбу, они с Сэмом никогда не обсуждали данную тему, а Кристоф не допытывался. Они говорили о винограде, а не о любовных связях. – Она примерно одних с ним лет, приятная, умная и утонченная женщина. Вероятно, она не хочет показываться рядом с Сэмом перед камерами. Я встречал их в Сент-Хелине пару раз: они старались держаться незаметно. Сэм представил мне ее только по имени, однако я знал, кто она.

– А Филипп в курсе? – Камилла задумалась: а что чувствует Филипп и каково ему будет, если Сэм снова женится?

– Полагаю, да. Она не из тех женщин, которым от него что-нибудь нужно, и это приятная перемена.

После смерти жены вокруг Сэма увивались все охотницы за деньгами в долине Напа, и он неплохо наловчился сторониться их, но его подруга явно не принадлежала к породе опасных хищниц. Камилла понимала, что «женщина – член конгресса от Лос-Анджелеса» звучит впечатляюще, да и Сэм, похоже, находил это интригующим. Интересно, встретит ли и ее отец однажды кого-нибудь вроде той женщины, подумала Камилла. Пока же он так сильно любил покойную жену, что не хотел идти даже на обед с друзьями, не то что на свидание. Мало кто мог сравниться с Джой, и Камилла знала: долгие годы для отца мама будет единственной.

– Ты должен посетить обед виноделов, папа. Тебе это бу-

дет полезно.

– А ты пойдешь со мной?

– Я простудилась, и вдобавок у меня много работы.

Камилла тоже нигде не бывала после смерти матери, но ее тревожило, что отец переживает горе тяжелее, тоска и подавленность не оставляли его. Что ж, по крайней мере он снова начал путешествовать по миру.

– Я подумаю, – произнес Кристоф. – Надо бы нам выбраться куда-нибудь на выходные. Ты тоже давно не отдыхала.

Камиллу тронуло, что отец это заметил. Последние пять месяцев он был всецело поглощен своей бедой, а она пыталась не сдаваться и взваливала на себя все больше работы. Камилла обменивалась письмами и эсэмэсками с друзьями по колледжу, чтобы не терять друг друга из виду, особенно тех, кто уехал далеко. Ей с трудом верилось, что она окончила университет всего девять месяцев назад. Казалось, с тех пор прошла вечность.

На следующий день отец удивил ее. Вернувшись домой с работы, Камилла увидела его уже в дверях, в костюме и при галстуке. Ей хотелось только одного: забраться поскорее в постель. Ее простуда усилилась.

– Я еду на обед виноделов, – смущенно сообщил отец. – Ты была права, Сэм тоже собирается. Я сказал, что найду его там.

Лицо Камиллы осветилось улыбкой. Отец все же ее по-

слушал!

– Я рада. Выглядишь потрясающе. Красивый галстук.

– Я купил его в Риме.

Это был сочно-розовый галстук от «Эрмес» – таких ярких цветов Кристоф обычно не носил. В новом галстуке он казался бодрым и помолодевшим, с ним произошла разительная перемена – последние пять месяцев он выглядел так, словно одевался с повязкой на глазах, доставая из шкафа старые, поношенные вещи, в основном черные и серые, под стать его настроению.

– Ну что ж, повеселись от души, – пожелала Камилла, когда отец направился к машине.

– Сомневаюсь, что там будет так уж весело. Просто старые скучные виноделы соберутся поговорить о химикатах, бочках и урожае прошлого сезона. Может, посплю в уголке, – улыбнулся Кристоф.

– Попроси Сэма тебя растолкать!

Камилла послала отцу воздушный поцелуй, и когда его быстрый спортивный автомобиль выехал на аллею, закрыла дверь шато.

Вечер прошел совсем не так, как Кристоф представлял. Собрались, как обычно, крупные виноделы долины (люди хорошо ему знакомые) и один-два рангом пониже. Был здесь и кое-кто из местной верхушки, их Кристоф тоже знал, хотя не испытывал к ним интереса. Заметил он и несколько новых лиц, которых не встречал прежде. Они показались ему

напыщенными болтунами, выдававшими себя за знатоков и ценителей вин. Он вдруг почувствовал себя неуютно, подумал, что придется разговаривать с незнакомыми людьми и стараться держаться дружелюбно, а сейчас это было ему не по силам. Приглашенных направляли к накрытым столам, на которых лежали карточки с их именами. Взглянув на план рассадки гостей при входе в зал, Кристоф обнаружил, что ему отвели место между двумя незнакомыми женщинами, и ощутил неловкость. Вечер состоялся в доме одного из старейших виноделов долины, Сэм беседовал с хозяином в дальнем конце холла, Кристоф его заметил, но не захотел прерывать их беседу.

Перед ним возник официант с серебряным подносом, Кристоф взял бокал белого вина, отпил глоток и немного постоял, чувствуя себя потерянным и одиноким. Он впервые пришел на банкет без Джой и уже жалел, что не остался дома и не отправился спать. Тоска по жене охватила его с новой силой.

– Какой чудесный галстук! – раздался женский голос с французским акцентом.

Кристоф повернулся и увидел высокую, худощавую, модно одетую женщину. С темными волосами, собранными в тугой узел на затылке, и в строгом черном костюме, она выглядела весьма элегантно и выделялась среди жительниц долины Напа. Эта женщина с ярко-красными губами, широкой улыбкой и озорными искорками в смеющихся глазах опре-

деленно была француженкой. Кристоф давно не видел женщин, подобных ей. Массивный золотой браслет украшал ее запястье, а туфли на шпильках выглядели весьма соблазнительно.

– Спасибо, – поблагодарил Кристоф и замолчал, понятия не имея, о чем теперь говорить. Он столько лет прожил в браке, что, оказавшись на дружеском сборище один, без жены, чувствовал себя скованно и непривычно. Француженка улыбнулась ему, и Кристоф задумался, что бы сказала о ней Джой. – Я привез этот галстук из Рима на днях, – добавил он.

– Это один из моих любимейших городов. Я вообще люблю Италию: Венецию, Флоренцию, Рим. Вы ездили туда по делам?

Кристоф кивнул. Глупо, что они беседуют на английском языке, хотя оба французы, но женщина хорошо владела английским, а сам он после двадцати пяти лет жизни в Штатах говорил безупречно, его акцент почти не ощущался.

– Вы приехали погостить в долину Напа? – спросил он, перейдя на французский.

– Я недавно переехала сюда из Парижа. А откуда вы? – поинтересовалась дама.

– Я вырос в Бордо. Но уже давно живу здесь.

– Вероятно, вы винодел, раз вас пригласили сегодня! – восторженно воскликнула она. – Можно узнать, как называется ваш завод?

– Шато «Джой», – смущенно ответил Кристоф, и глаза его

собеседницы удивленно округлились.

– Мое любимое пино-нуар. Для меня большая честь знакомство с вами, – призналась она с уместной долей восхищения.

Ей удавалось быть соблазнительной, не прилагая к этому усилий, она была истинной француженкой. Американки так не кокетничают, да и американцы тоже. Они беседуют о делах и о спорте. Во Франции мужчины и женщины разговаривают в иной манере, более игривой, дразнящей. Однако Кристоф давно отвык от подобного и не хотел флиртовать с новой знакомой. Он не заигрывал с женщинами с тех пор, как встретил Джой.

– Что заставило вас переехать в долину Напа?

Вообще-то Кристофа не интересовала ее история, он задал вопрос из вежливости. Не зная, как поддержать разговор, он предоставил это даме.

– Полгода назад у меня умер муж, – ответила она. – У нас было шато в Перигоре, но зимой там слишком тоскливо и мне захотелось сменить обстановку.

– Вы смелая, – искренне отозвался Кристоф. – Непросто поселиться там, где вы никого не знаете.

– Именно так вы, наверное, и сделали, когда приехали из Бордо!

– Мне было двадцать шесть лет, когда я поселился в долине Напа. В этом возрасте все дается легко. Я приехал сюда в двадцать пять, чтобы кое-чему научиться, и решил основать

тут винодельню.

– Вы тоже поступили храбро.

«Да, пожалуй», – мысленно согласился Кристоф. Но тогда ему так не казалось, ведь Джой поддерживала его во всем.

– Я тоже потерял жену пять месяцев назад, – признался он и тотчас пожалел о своих словах. Упоминание о покойном муже француженки заставило его раскрыться.

– С этим тяжело свыкнуться, верно? – мягко произнесла она. – Я и сейчас ощущаю себя потерянной. – Женщина опустила голову, а потом взглянула на него. В это мгновение она вдруг показалась ему необычайно ранимой, несмотря на свой модный, элегантный вид. Кристоф понимал, что она чувствует. – Муж был намного старше меня, последние несколько лет тяжело болел, однако его смерть стала для меня страшным потрясением.

Кристоф кивнул, думая о Джой. Какое-то время они молчали, затем к ним приблизился Сэм.

– Добрый вечер, графиня! – насмешливо, почти с издевкой приветствовал он собеседницу Кристофа, потом заговорил с ним, не обращая на нее внимания.

– Так вы знакомы? – уточнил Кристоф, и Сэм кивнул.

– Нам доводилось встречаться, – небрежно обронила та, кого он назвал графиней, и отошла, бросив на Сэма кокетливый взгляд.

Через несколько минут присутствующих пригласили занять столы, и Кристоф обнаружил, что его посадили между

его недавней собеседницей и пожилой дамой. Последняя даже не повернулась к нему, увлеченная беседой со своим соседом.

– Вы переехали вместе с детьми? – обратился Кристоф к графине, когда все заняли свои места.

– У меня в Париже двое сыновей, я жду их в гости летом. Во Франции у них своя жизнь. Один из них банкир, другой учится в университете. Они не хотят переезжать в Америку. У мужа были дети моего возраста, но мы с ними не особенно близки, – с сожалением произнесла она, и Кристоф не стал ее расспрашивать.

Он чувствовал, что эта тема для нее болезненна. При столь значительной разнице в возрасте между ней и покойным мужем его дети, вероятно, ревновали отца к мачехе. Эта привлекательная женщина выглядела лет на сорок пять или даже моложе, хотя в действительности была ровесницей Кристофа.

– А у вас есть дети? – спросила она.

Похоже, ей хотелось знать о нем все. Легкая в общении, дама держалась естественно и дружелюбно.

– Дочь. В прошлом году она окончила университет и работает на винодельне вместе со мной. Как и ее покойная мать. У нас семейное предприятие.

– Чудесно, что ваша дочь рядом с вами.

Кристоф кивнул и вдруг заметил на ее карточке надпись «Графиня де Пантен». Значит, она носила титул. В Штатах

это поражало воображение людей, но Кристоф, выросший в окружении многих аристократов, не придавал особого значения титулам. Скорее его поражали открытость, сердечная теплота и ум графини.

Они поговорили о последней поездке Кристофа в Италию. графиня расспросила его о винодельне и рассказала, что в юности работала моделью, представляла «Диор», а с мужем познакомилась, когда тот с любовницей отправился за покупками. Тогда он и влюбился в нее. Кристоф вместе с графиней посмеялся над этой истинно французской историей. Затем она вежливо повернулась к мужчине, сидевшему по другую сторону, и заговорила с ним. Кристоф немного помолчал, а потом его мысли, как бывало всегда, вернулись к Джой, к мучительной пустоте, оттого что ее не было рядом. Они с графиней обменялись несколькими фразами за кофе, и та сказала, что скоро начнет устраивать у себя небольшие званые вечера, чтобы ближе познакомиться с жителями долины и завести друзей. Идея показалась Кристофу замечательной, хотя сам он не смог бы заставить себя позвать гостей: не хотел веселиться один, без Джой.

– Как мне вас найти? – спросила графиня, когда они встали из-за стола, и Кристоф повторил название своей винодельни. – Ах да, конечно.

Вскоре она исчезла, а Кристоф пообщался немного с Сэмом, поблагодарил хозяина дома и вышел. Он заметил графиню на парковочной площадке: та ждала, когда подадут

ее машину. Кристоф с удивлением увидел, как она закурила, но потом напомнил себе, что графиня француженка. Навещая родных во Франции, он часто видел курящих женщин. Его «астон мартин» поставили у самого входа. Садясь в автомобиль, Кристоф помахал рукой графине. В эту минуту ей как раз подали «мерседес». Она улыбнулась отъезжающему Кристофу и размышляла о нем по пути к дому, взятому в аренду на полгода. Дом считался местной достопримечательностью, его строили с расчетом продать подороже какому-нибудь приезжему, желающему поразить своих новых соседей в долине Напа и увидеть фотографию собственного жилища на страницах глянцевого журнала. Графиня уже решила, что пригласит Кристофа на ужин, вот только когда? Она собиралась позвать и Сэма Маршалла. С ним ей тоже хотелось познакомиться поближе.

Подъезжая к дому, Кристоф заметил свет в спальне Камиллы. Он постучал и вошел, чтобы пожелать дочери доброй ночи. Она кашляла и сморкалась, прижав платок к носу, но при виде отца улыбнулась.

– Было весело? – с надеждой спросила она.

– Не особенно, – честно ответил Кристоф. Без Джой ему было одиноко на вечере, но он хотя бы попытался выбраться из дому и даже надел новый галстук. – Зато я кое с кем познакомился. С одной французской графиней, она недавно переехала сюда из Парижа.

– Невероятно! – улыбнулась Камилла.

– Наверное, надолго она тут не задержится. Эта женщина слишком роскошная для долины Напа. Летом к ней приедут двое сыновей, полагаю, тебе будет интересно с ними познакомиться.

Камилла кивнула и снова высморкалась. Что ж, по крайней мере отец сходил на обед, сделал первый шаг к возвращению в мир, и она им гордилась. Камилла почему-то представила графиню важной старой матроной, однако порадовалась, что отец провел вечер в приятной компании. Послав дочери воздушный поцелуй, он пожелал ей скорейшего выздоровления и направился к двери.

– Спасибо. Я люблю тебя, папочка. Хорошо, что ты выbralся сегодня из дому.

Кристоф улыбнулся, вспомнив элегантную графиню.

– Я тоже тебя люблю.

«Интересно, пригласит ли графиня на обед, как обещала», – мелькнула у него мысль, однако в действительности его это мало занимало. По пути в спальню он подумал, как весело было бы, вернувшись домой из гостей, обсудить прошедший вечер с Джой. Теперь все это осталось в прошлом. Через несколько минут Кристоф забрался под одеяло, улыбнулся фотографии жены на ночном столике и прошептал, выключая свет:

– Доброй ночи, любовь моя.

Он знал, что второй такой женщины в целом мире нет.

Глава 4

Кристоф забыл о встрече с графиней, поскольку винодельня занимала все его время. Через два дня после обеда виноделов ударили поздние заморозки, и он провел на ногах всю ночь, следя за тем, чтобы все виноградники обогрелись и резкое похолодание не погубило посадки. Жаровни, хотя и старомодные, служили исправно. Жестокие морозы могли лишить шато «Джой» урожая на целый год. К счастью, скоро снова потеплело, но Кристоф и Чезаре до самого рассвета, выбиваясь из сил, оберегали кусты. В подобных случаях Чезаре трудился без сна и усталости, и отчасти за это Кристоф безмерно уважал его, чего Камилла не понимала.

Чезаре, как и Кристоф, обучался ремеслу винодела в лучших европейских традициях, однако оба они успешно перенимали современные американские методы и подходы. Чезаре досконально знал свои обязанности и гордился должностью управляющего, по сути – главнокомандующего, винодельней, на чьих плечах лежала забота о виноградниках, защита их от морозов, вредителей и прочих напастей, а еще посадка нового винограда. Он обладал редкой способностью замечать проблему едва ли не прежде, чем она возникала. Следил, чтобы бригады всегда были готовы к работе и действовали слаженно, а оборудование содержалось в идеальном порядке. Заботился, чтобы лозы обрезали, листья об-

рывали, а виноград собирали точно в нужное время. Чезаре постоянно советовался с Кристофом, прислушивался к его мнению, беспрекословно ему подчинялся и готов был явиться по первому зову в любую минуту дня и ночи. Виноградники шато «Джой» и винодельню он ставил превыше всего и вникал в каждую мелочь. Вдобавок он отличался безошибочным чутьем, чему Джой не придавала значения. Она считала Чезаре вздорным, сварливым старым обманщиком, несмотря на его бережную заботу о виноградниках. Кристоф ценил управляющего и легко мирился с его слабостями, закрывая глаза на мелкие недостатки и дутые отчеты о расходах, но Джой видела в этом тягчайшее преступление, караемое чуть ли не смертной казнью.

Чезаре постоянно пререкался из-за каждого доллара и лгал, когда ему это было выгодно. Камилла с трудом терпела его выходки и не собиралась прощать ему грехи. Она знала, как дорожит им отец и как важна работа Чезаре на винодельне, однако хотела защитить их деньги. А Чезаре перенес на Камиллу свои застарелые обиды и невзлюбил почти так же, как ее мать. Теперь они с Камиллой часто ругались, но в основном из-за мелочей.

Чезаре никогда не был женат и так и не стал отцом. В молодости был сердцеедом и бабником, но в пору зрелости угомонился, да и его яркая внешность поблекла. Он не был слеп к красоте Камиллы и охотно признавал, что она необыкновенная девушка, но жесткий характер, который, по его убеж-

дению, дочь Кристофа унаследовала от матери, лишал ее женской привлекательности, о чем он не побоялся ей сказать. Разумеется, это тоже не прибавило теплоты их отношениям. Они ссорились постоянно и, как казалось Кристофу, без всяких веских причин.

– Ты навсегда останешься старой девой, если не одумаешься, – предупредил Камиллу Чезаре, когда та не поверила цифрам в его последнем отчете о расходах. Личные выпады он считал справедливой мезтью. – Мужчины не любят женщин, затевающих свары из-за денег. Я полагал, ты вернешься в университет и продолжишь обучение, – с надеждой добавил он.

Чезаре повторял это несколько раз после смерти ее матери. Не мог дождаться, когда она уедет. С Кристофом у него не возникало трений, не то что с Камиллой или Джой. Он объяснял это тем, что они американки. Чезаре предпочитал европейских женщин, хотя и покинул Италию тридцать лет назад.

– Я не вернусь в университет в ближайшие два-три года, – в очередной раз заявила Камилла. – К тому же я нужна папе здесь.

– Он может нанять другую секретаршу тебе на замену, – пренебрежительно усмехнулся он и надвинул на глаза потрепанную соломенную шляпу. Его всклокоченная седая грива выбивалась из-под полей, тугие пружинки волос торчали во все стороны.

Чезаре превратился в капризного желчного старика и привык не церемониться с Камиллой, поскольку его знаменитое обаяние не действовало на нее, как и на Джой. С годами он погрузнел – сказала любовь к макаронам. Чезаре хорошо готовил и несколько раз приглашал Джой на обед, но та отказывалась. Кристоф иногда ходил к нему в гости один, Чезаре угощал его вкусной пастой, они засиживались допоздна за разговорами о виноградниках и о том, как улучшить качество вина.

Кристофу нравилась компания управляющего, хотя жена и дочь не разделяли его симпатий. Самоуверенный, вечно недовольный, Чезаре полагал, что женщины годны лишь для одного. Утверждал, что в бизнесе им не место, и, уж конечно, управлять винодельней способен только мужчина, женщине на это ума не хватит. Камиллу он ни во что не ставил, она читала это в его взгляде, слышала в голосе. Чезаре не осмеливался так обращаться с ее матерью, Джой резко высказывала ему все, что думала, им случалось кричать друг на друга. Камилла обращалась с ним мягче из уважения к его возрасту, вдобавок он был частью ее жизни: заботился о виноградниках сколько она себя помнила. Однако Камилла соглашалась с матерью, что Чезаре часто врет, изворачивается и к тому же нечист на руку. Камилла и Джой считали его ходячей неприятностью, но Кристоф, человек добрый и справедливый, ценил заслуги каждого из своих работников и прощал им недостатки. Он старался видеть обе стороны

медали, так было и в ситуации с Чезаре.

– Закончится тем, что ты останешься одна, – снова угрозил Камилле управляющий и направился к двери, бормоча что-то по-итальянски, как он обычно поступал, когда его ловили на лжи.

Ему нечего было сказать в свою защиту, и это привело его в бешенство. Камилле еще не исполнилось и двадцати трех, слова Чезаре ее не задели. Последнее, что она услышала, прежде чем он исчез, – ядовитое замечание в адрес американок. Повстречав в коридоре ее отца, Чезаре выразительно возвел глаза к потолку. Кристоф вошел в кабинет Камиллы и вопросительно взглянул на нее. Она прекрасно ладила со всеми, кроме управляющего.

– Проблемы с Чезаре? – Кристоф не слишком огорчился, однако заметил, что дочь раздражена, как всегда бывало с Джой после стычки с Чезаре.

– Он приписал лишние двадцать семь долларов к отчету о текущих расходах. Не понимаю, отчего он так возмутился.

– Не обращай внимания: присвоенные деньги Чезаре возмещает по-своему. На этой неделе он дважды работал со мной по ночам, когда ударили холода. – К счастью, скоро снова потеплело и виноградники не пострадали. – Если бы мы платили ему сверхурочные, то выложили бы значительно больше тех двадцати семи долларов, что он прибавил к сумме расходов. Чезаре ничего не может с собой поделывать. Такова среда, в какой он рос. Не упустить своего и прихва-

тить чужое – для него нечто вроде игры. Твою маму безумно раздражали его выходки, но ей не следовало тратить силы и нервы на подобные пустяки.

Джой была весьма аккуратной в делах, в бухгалтерских книгах учитывала каждый цент и твердо верила, что нельзя быть честным наполовину. Она часто приводила в пример Кристофу французскую поговорку: «Кто яйцо украл – тот и корову уведет». Джой не сомневалась в своей правоте и не доверяла управляющему. Она всегда подозревала, что от Чезаре можно ждать любой подлости, он вполне способен совершить и более крупную кражу, а потому нужно сделать все, чтобы этого не случилось.

– Мама ему не доверяла, – напомнила Камилла, и Кристоф печально улыбнулся.

Они проговорили несколько минут, а затем Камилла вернулась к работе. Содержимое больших, переплетенных в кожу бухгалтерских книг хранилось в памяти компьютера, но Кристоф уважал старомодные традиции и хотел, чтобы свежие данные заносились в гроссбухи, так что Джой, а теперь и Камилле приходилось проделывать двойную работу. Он верил в модернизацию, однако лишь отчасти. Камилла придумала удачный маркетинговый ход и ждала подходящего момента, чтобы обсудить его с отцом. Речь шла об использовании социальных сетей для рекламы их вин. Она знала, что Чезаре воспримет данную идею враждебно. Он с опаской относился к любым современным нововведениям, считая их

пустой тратой времени, и ему нередко удавалось склонить на свою сторону Кристофа. Джой с ее новаторскими предложениями и грамотными бизнес-планами, благодаря которым винодельня развивалась и процветала, помогала мужу шагать в ногу со временем. Теперь же эстафету подхватила ее дочь, открытая всему новому, полная свежих идей.

Камилла уже видела десяток способов модернизировать завод и предвкушала, как расскажет о них отцу, когда придет время. Она хотела к лету внедрить кое-какие новшества и надеялась, что Кристоф их одобрит. В этом отношении отец был непредсказуем. Джой часто удавалось его убедить, он высоко ценил ее финансовое чутье и здравомыслие. Камилла знала: придется проявить себя, доказать отцу, что и к ее мнению следует прислушиваться. В известном смысле он все еще видел в ней маленькую девочку, да она и казалась совсем юной. Камилла всегда выглядела моложе своих лет. Красивое лицо с тонкими чертами она унаследовала от матери, а светлые волосы и большие синие глаза достались ей от отца. Знакомые не раз говорили, что Камилла похожа на Алису из Страны чудес, и она понимала: при такой внешности ее едва ли станут принимать всерьез мужчины вроде Чезаре. Он и к Джой относился без уважения, однако побаивался – она давала ему жесткий отпор. Камилла была мягче и вдобавок моложе. Кристоф знал, что дочь так же умна, как мать, и сможет занять место Джой на винодельне, а когда-нибудь в будущем – взять в свои руки управление. Он

не возражал против новаций, однако полагал, что не обязательно увлекаться новомодными идеями и высокими технологиями. Кристоф мечтал, чтобы их бренд ассоциировался с европейскими традициями: эта стратегия прекрасно работала многие годы, какие бы современные приемы ни пускала в ход Джой. Сочетание их индивидуальностей, взглядов и мыслей явилось залогом успеха.

После беседы с Камиллой Кристоф вернулся к себе в кабинет, но не успел углубиться в работу, как молодая помощница объявила, что его просит к телефону графиня де Пантен. Вначале это его озадачило: имя ни о чем ему не говорило, сколько он ни напрягал память, – но потом Кристоф вспомнил француженку, свою соседку по столу на обеде виноделов. Он не предполагал, что снова встретит ее, обещание пригласить его в гости не принял всерьез и попросту забыл о том мимолетном знакомстве. Люди часто произносят из вежливости нечто вроде: «Давайте как-нибудь пообедаем вместе». В большинстве случаев «как-нибудь» так и не наступает. Вдобавок по сравнению с ним эта женщина казалась такой привлекательной в своем элегантном черном парижском костюме и дорогих украшениях. Графиня упомянула, что собирается задержаться в долине всего на полгода, чтобы развеяться, переменить обстановку. Шансы увидеть ее вновь были невелики: с тех пор как не стало Джой, Кристоф предпочитал проводить вечера дома, с дочерью. Он еще не привык к роли вдовца.

Когда Кристоф поднял трубку, элегантная графиня приветствовала его по-французски, а затем перешла на английский.

– Bonjour, Кристоф! – радостно воскликнула она, словно обращалась к старому другу.

Легкий, оживленный тон ее мгновенно поднимал настроение, заряжал энергией, будто глоток шампанского. Знатные француженки, которых Кристоф встречал в юности, держались иначе и к своему положению и титулу относились весьма серьезно. Графиня была другой, этим она и нравилась ему. Она казалась счастливой женщиной, хотя тоже недавно овдовела. Впрочем, графиня говорила, что муж был намного ее старше и к тому же последние несколько лет тяжело болел, так что, возможно, его смерть не стала для нее таким же огромным потрясением, как потеря жены для него. Джой ушла из жизни в сорок восемь лет, сильной, красивой женщиной, когда они были абсолютно счастливы, полагая, что впереди у них еще долгие годы. Кристоф так и не свыкся с утратой и чувствовал себя обкраденным.

– Простите, что беспокою вас в офисе, – произнесла графиня. – Я не вовремя?

– Вовсе нет. – Слушая ее, он улыбнулся. У нее был чудесный голос.

– Я не задержу вас надолго. В следующую субботу я устраиваю у себя небольшой ужин. В доме, что арендовала. Соберется человек десять. Решила доставить себе удовольствие.

Вдобавок я познакомилась здесь с интересными людьми. Надеюсь, вы сможете прийти.

Кристофу не пришлось заглядывать в календарь: он никуда не выезжал по вечерам и не встречался с друзьями в выходные. Правда, на днях собирался лететь в Голландию, но к будущей субботе планировал вернуться. Он сомневался, что готов жить холостяком и ходить на вечеринки: вернее, знал наверняка, что это не так, но ему не хотелось показаться невежливым, а кроме того, в графине Кристоф видел товарища по несчастью. Она старалась не падать духом, и он почувствовал себя обязанным тоже сделать усилие. Кристоф не мог отказать ей, сославшись на недавнюю смерть жены, это прозвучало бы жалко и плаксиво. «Если Сэм Маршалл сумел справиться со своим горем, то смогу и я», – решил он.

– Это будет простой ужин, без всяких формальностей, – добавила графиня. – Мужчины придут в джинсах и блейзерах, галстук вам не понадобится, хотя тот розовый, что был на вас в прошлый раз, выглядел элегантно. Придется мне устроить еще один ужин, чтобы вы надели его снова, – шутливо заметила она.

Кристоф удивился, что графиня запомнила такую мелочь. – Я с радостью приду, – отозвался он, польщенный, что его пригласили, хотя понятия не имел, кто соберется в ее доме: толпа неизвестных ему людей или его приятели.

Кристоф боялся столкнуться с дальними знакомыми, которые не слышали о смерти Джой. Ему не хотелось пускаться

ся в объяснения и сообщать кому-то плохие новости. Такое случилось несколько раз на официальных встречах, или когда он ездил по делам в Сент-Хелину и Джантвилл. Разговоры эти причиняли ему боль, однако Кристоф понимал: первое время избежать их не удастся, если не оставаться вечно в четырех стенах. Порой у него возникало подобное желание, и каждый раз его удерживала мысль, что затворничество не пойдет на пользу ни ему, ни Камилле. Он чувствовал, что ради дочери должен притвориться, будто его жизнь постепенно налаживается, даже если сам в это не верит. Кристоф каждый день плакал, вспоминая Джой, чаще всего по вечерам, ложась спать или просыпаясь утром один в своей постели. Днем он погружался в дела.

– Благодарю вас за приглашение, графиня, – вежливо произнес он.

Мадам де Пантен рассмеялась:

– Пожалуйста, зовите меня Максин, если не хотите, чтобы я обращалась к вам «мсье Ламмене». И не перейти ли нам на «ты»? Французское «vous» звучит слишком официально.

Кристоф улыбнулся: во Франции «вы» говорят друг другу посторонние или чопорные люди. Графиня держалась без всякой церемонности и разговаривала с ним свободно, непринужденно.

– Спасибо, Максин.

Она назвала ему время встречи и адрес. Улица носила

меткое название Мани-лейн², как раз под стать стоявшим на ней роскошным домам, как старым, так и недавней постройке. Судя по манере одеваться Максин и по тому, как она держится, едва ли графиня выбрала скромный, неприметный дом, чтобы снять его на полгода, предположил Кристоф.

– Я собираюсь пригласить французского повара из ресторана «Гари Данко» в городе: надеюсь, ты его одобришь.

Кристоф снова не смог скрыть удивления. Впрочем, следовало ли удивляться, что свою небольшую вечеринку она задумала обставить с размахом. «Гари Данко» считался самым дорогим рестораном в Сан-Франциско и славился изысканной кухней. Кристоф поблагодарил графиню, попрощался и, повесив трубку, погрузился в работу. Ему предстояло спланировать поездку в Европу и написать людям, с которыми он рассчитывал там встретиться. К вечеру Кристоф и думать забыл о приглашении Максин. На следующий день голова у него была занята другими заботами, и появление рассыльного с письмом застало его врасплох. Кристоф озадаченно взял в руки плотный, сливочной белизны конверт, адресованный ему. В левом нижнем углу, выведенные темно-коричневыми чернилами, значились буквы ДЛ, означавшие, что письмо следует доставить лично, а не доверить почте. Открыв конверт, он увидел того же сливочного цвета открытку с золотым гербом и изящной надписью от руки: «Pour Mémoire», что означало: «Напоминание». Ниже Мак-

² От *англ.* money – деньги.

син указала, когда и где состоится ужин. Как истинная графиня она следовала строгим французским традициям. Другие друзья Кристофа в долине послали бы ему имейл или эс-эмэс, а не открытку с гербом. В самом низу она приписала: «Я так рада, что ты сможешь прийти. À bientôt!³ М.».

Он на мгновение задумался, кто еще приглашен на ужин и какую прослойку местного общества облюбовала Максин, а потом оставил открытку на столе и забыл о ней. В графине было больше от подлинных европейцев, приверженных традициям прошлого, чем в любом из его знакомых в долине, включая самых известных виноделов, таких как Сэм и несколько других. Кристоф ничего не знал о ее корнях, но это не имело значения. Максин была замужем за графом, что объясняло ее желание следовать этикету.

Кристоф вспомнил о приглашении графини вечером накануне приема, увидев пометку в своем ежедневнике, и рассказал о нем Камилле, когда они ужинали в кухне цыпленком, которого оставила для них Ракель. После смерти Джой они не пользовались столовой, и Кристоф не собирался ничего менять. Ему нравилось есть в кухне вдвоем с дочерью.

– Забыл тебе сказать, завтра вечером я иду в гости. Надеюсь, ты не будешь возражать. – К удивлению Камиллы, отец выглядел виноватым.

– Конечно, нет. Тебе надо чаще выбираться из дому. Собираешься к Сэму?

³ До скорой встречи! (*фр.*)

Сэм был единственным другом, с кем в последние месяцы Кристоф поддерживал отношения, ведь он лучше всех понимал, что значит потерять любимую жену. Приятели прекрасно проводили время вместе, а поскольку оба любили мексиканскую кухню, несколько раз ходили обедать в мексиканский ресторан. Они охотно пользовались возможностью поговорить о делах и обсудить проблемы, которые приходилось решать обоим, хотя по своему размаху предприятие Сэма намного превосходило шато «Джой».

– Меня пригласили на ужин, – объяснил Кристоф, когда они доели цыпленка. – Боюсь, там слишком шикарно для меня, но отказаться было неудобно.

Камилла порадовалась за отца. Ему следовало чаще встречаться с людьми, мама тоже этого желала бы. Так она сказала Камилле перед смертью. Джой не хотела, чтобы до конца дней Кристоф жил затворником, оплакивая ее. Он должен жить дальше и когда-нибудь встретить другую женщину, считала мама, хотя Камилла не могла думать об этом без слез. Она не была пока готова к переменам, как и сам Кристоф.

– Кто тебя пригласил? – спросила дочь за мытьем посуды.

– Одна француженка, я сидел с ней рядом за столом на обеде виноделов месяц назад. Она приехала сюда на полгода. Недавно овдовела. У нее двое сыновей, я тебе рассказывал.

Камилла решила тогда, что эти сыновья намного ее старше, а сама графиня – важная дама преклонных лет.

– Прекрасная новость, папа.

Давний приятель по колледжу собирался в конце недели приехать в долину Напа со своей девушкой и пригласил Камиллу на ужин в «Бушон», недорогой ресторан французской кухни. Она сначала отказалась, чтобы не оставлять отца одного на все выходные, но теперь могла бы пойти.

– Я тоже хотела бы завтра встретиться с друзьями.

Ее товарищ по Стэнфорду устроился на работу в Пало-Альто, они не виделись со времени окончания университета, и Камилла с радостью предвкушала встречу.

– Надо было мне спросить, можно ли взять тебя с собой, – произнес Кристоф. – Я об этом не подумал, но, по правде сказать, боюсь, тебе там будет скучно.

Следующий день Камилла провела в Мидвуде, где остановились ее друзья. Они вместе посидели в отеле, потом в клубе, а оттуда отправились в Джантвилл и поужинали в уютном ресторанчике «Бушон». Камилла любила это место. Она познакомилась с девушкой своего приятеля по Стэнфорду, та показалась ей веселой и забавной. У Камиллы не было пары, однако ее друзей это не смущало и они прекрасно провели время втроем. Общество ровесников доставило ей огромную радость. Когда год назад заболела мама, Камилле пришлось отказаться от встреч с друзьями. А в последние месяцы смыслом ее жизни стала работа на винодельне и забота об отце, ни на что другое времени уже не оставалось.

Кристоф оделся нестрого, как предлагала Максин: в вы-

глаженные джинсы, белую рубашку без галстука и темно-синий блейзер от «Эрмес», который купила ему Джой в Сан-Франциско. Жена всегда следила за его гардеробом. Кристоф не любил ходить по магазинам и чувствовал себя комфортнее, когда находился за рулем трактора или расхаживал по виноградникам в грубых рабочих ботинках, однако, садясь в свой «астон мартин», чтобы ехать по адресу, который дала ему Максин, выглядел весьма респектабельно и эффектно. На переднем сиденье автомобиля лежало приглашение графини с ее адресом и телефоном на случай, если произойдет нечто непредвиденное или не удастся найти дом. Впрочем, Кристоф хорошо знал этот район и от шато «Джой» добрался туда за пятнадцать минут на своей быстрой машине.

Он нажал кнопку радиопереговорного устройства у ворот, и ему ответил мужчина. Кристоф назвал свое имя, и ворота автоматически открылись. Дом был еще роскошнее, чем он представлял. Обширное одноэтажное здание современной архитектуры с ухоженным садом, огромным бассейном и беседкой, где уже собирались гости, чтобы выпить перед ужином мохито, мартини или «Космополитен». Им прислуживал официант в белом фраке. В саду рядом с домом на длинном обеденном столе, покрытом белоснежной скатертью, стояли цветы и свечи, сверкающий хрусталь и тонкий фарфор. Когда навстречу гостям шагнула Максин в длинном, до пола, бледно-розовом платье из прозрачного шифо-

на, в золотых босоножках на высоких каблуках и с распущенными волосами, темной волной спадавшими ей на спину, казалось, будто она сошла с обложки глянцевого журнала. Кристофа кольнула боль, он на мгновение ощутил острую тоску по жене, хотя Джой никогда не носила таких платьев и не устраивала пышных официальных приемов.

Джой любила вечеринки в шато, но они всегда проходили непринужденно, с оживленными разговорами и хорошей стереомузыкой. Джой удавалось создать теплую дружескую атмосферу. Максин предпочитала совершенно иной стиль: официальный, утонченный, изысканно-элегантный. Она носила одежду от французских кутюрье, была стройнее, чем Джой, и выше ростом. При встрече Максин поцеловала Кристофа в обе щеки, на французский манер, словно близкого друга, в этом жесте было что-то до странности интимное, даже немного эротичное. Нечто дерзкое сквозило во всем ее облике. Джой была бесстрашной и сильной, однако не такой общительной и экспансивной, как Максин. Своим стремлением к совершенству она напоминала виртуозного циркового акробата во всем, что делала, тогда как Максин походила скорее на шпрыхштальмейстера, который внимательно за всем следит, не упуская ни единой мелочи. Она представила друг другу гостей, но Кристоф не нашел среди них знакомых, такое с ним случалось редко: в долине Напа он знал почти каждого.

Здесь были две супружеские пары из Лос-Анджелеса, из

мира киноиндустрии. Недавно они купили обширные виноградники и собирались управлять ими из Голливуда. Кристоф понял, что эти киношники ничего не смыслят в виноделии, да и вообще не интересуются винами. Для них покупка земли в долине лишь символ высокого положения в обществе. Мексиканца с супругой Кристоф видел впервые, хотя читал о нем в газетах – тот считался одним из богатейших людей своей страны. Его сопровождали два телохранителя, державшихся на почтительном расстоянии. Находился среди гостей и нефтяной магнат из Далласа с женой, и чета из Саудовской Аравии, владевшая недвижимостью по всему миру. Муж влюбился в долину Напа и подумывал приобрести тут дом. Не так давно он уже купил отель и универмаг в Сан-Франциско, а теперь решил, что неплохо бы иметь виллу в долине и привозить сюда на лето детей, когда они не проводят время у себя на юге Франции, или на Сардинии, или на собственной яхте в Средиземном море. Все это пестрое сборище объединяло одно – большие деньги. Приезжих подобного сорта Кристоф обычно избегал. Графиня собрала в доме богачей со всего мира, а пары из Лос-Анджелеса и Далласа, явно нувориши, откровенно щеголяли своим недавно сколоченным состоянием. Все они были, в общем, приятными людьми, но слишком экзотичными для Кристофа. Он предпочитал общество солидных местных виноделов, с которыми легко находил темы для разговоров, поскольку их многое объединяло. Компания на вечеринке Максин показа-

лась ему чересчур экстравагантной. Его благородные предки французы были почтенными, уважаемыми землевладельцами, а эти люди жили в своем замкнутом мире, о котором он ничего не знал, да и не хотел знать. Кристоф заметил, что, кроме него самого и хозяйки, на вечеринке одни только супружеские пары. Гости видели его впервые, а потому не спрашивали, где Джой и что с ней случилось. За ужином Кристофа посадили во главе стола, по правую руку от Максина, он оценил этот вежливый, великодушный жест, однако немного смутился, оттого что ему отвели роль почетного гостя. Но вопреки его опасениям разговор за столом завязался весьма оживленный и интересный. Все здесь много путешествовали и лишь недавно открыли для себя очарование долины Напа. Ужин, как и ожидалось, был изысканный, со множеством закусок и горячих блюд. Кристоф обнаружил на всех красных винах, что подавались к столу, этикетки шато «Джой» – это его поразило и тронуло. Гости хвалили напитки, дружно выражая Кристофу свое восхищение. Максина выбрала лучшие, самые старые из его вин. Он с гордостью видел, как высоко их оценила эта искушенная публика. Пара из Саудовской Аравии призналась, что его пино-нуар нравится им больше, чем шато-марго, и Максина ему улыбнулась. Улучив минуту, когда все остальные увлеклись беседой, Кристоф поблагодарил графиню за то, что отдала предпочтение его винам.

– Тебе следовало сказать, я прислал бы вино, – вежливо

произнес он.

Максин мягко коснулась его руки, словно на мгновение легкокрылая бабочка опустилась на тыльную сторону ладони.

– Нет, Кристоф. Ты не можешь просто раздавать вина всем желающим. А продавец в магазине мне посоветовал, какие марки купить.

Он выбрал самые дорогие, отметил Кристоф и сообразил, что ужин обошелся графине в немыслимую сумму. Некоторые из его вин стоили дороже, чем прославленные марки французских конкурентов.

После ужина заиграла музыка, гости начали танцевать, но Кристоф не примкнул к ним. Он даже не представлял, что мог бы танцевать с кем-то, кроме Джой. Зато он с удовольствием беседовал с Максин и остальными, пока звучала музыка, и чувствовал себя свободно. Позднее подали крепкие французские ликеры и бренди. Гости начали расходиться только в половине второго ночи. К удивлению Кристофа, вечер с отменным угощением для избранных, куда он сам попал по чистой случайности, прошел чудесно. Максин устроила все великолепно, с элегантной утонченностью и безупречным вкусом. Эта вечеринка мало напоминала «простой дружеский ужин». Приемы такого уровня были редкостью даже в долине Напа, известной своим снобизмом и полной приезжих с большими деньгами. Когда Кристоф вслед за первыми гостями поднялся, чтобы уйти, Максин шепотом попросила

его подождать, пока разъедутся остальные, и ненадолго задержаться.

– Всегда приятно немного посплетничать, – добавила она с лукавыми искорками в глазах.

Кристоф рассмеялся и кивнул. Они с Джой тоже любили поболтать в машине по пути домой, обсудить, как прошла вечеринка. Когда все разъехались, Кристоф сообразил, что со стороны это выглядело так, будто он близок с Максин и остался провести с ней ночь. Ему снова стало неловко, но графиня не сделала и не сказала ничего неуместного после ухода гостей. Сняв свои золотые босоножки от Кристиана Лубутена, с высокими каблуками и красными подошвами, она опустилась в шезлонг возле бассейна и завела разговор о прошедшем вечере. В прозрачном газовом платье, босая, она вдруг показалась Кристофу удивительно юной. Максин знала немало о своих гостях помимо того, что все они были несметно богаты, и рассказала о каждом. Мексиканец, как выяснилось, содержал красивую молодую любовницу-кинозвезду, а дама из Далласа завела роман с одним из самых известных виноделом, что удивило Кристофа. У саудовского миллиардера в Эр-Рияде оставались еще три жены, которых тот обычно не брал с собой в путешествия и не водил на приемы, однако в Лондоне он зашел в «Графф», чтобы купить украшения всем четверем. Та же из женщин, что приходила на ужин, считалась главной женой и состояла в кровном родстве с королем Саудовской Аравии. Максин слышала сплет-

ни обо всех и с удовольствием делилась ими с Кристофом.

– Как ты с ними познакомилась? – спросил он со смехом, не скрывая восхищения.

Кристоф еще не встречал подобных женщин: в Максин было что-то очень чувственное и притягательное. Он видел, что нравится ей, хотя принадлежал к иному кругу, нежели ее друзья, и не мог с ними соперничать. Пусть он добился невероятного успеха, его винодельня процветала, а во Франции семья Ламмене пользовалась известностью и почетом, однако состояние его не исчислялось миллиардами долларов, как у тех денежных мешков, что собрались минувшим вечером за столом Максин.

– Да так, встречались иногда то там, то тут, – произнесла она. – Я пыталась уговорить твоего друга Сэма Маршалла прийти, но он слишком занят.

Сэм не ответил на звонок, а его секретарша незамедлительно отправила Максин электронное письмо с отказом.

– Честно говоря, подобные вечеринки не в его вкусе. Ему бы не понравилось. Сэм предпочитает свой собственный мир.

Маршалл не уступал друзьям Максин ни в богатстве, ни в положении, но выбрал иной образ жизни. Его не интересовали ни яхты, ни роскошные дворцы, хотя он и жил в прекрасном доме. Почти все время Сэма занимали дела и жизнь в долине среди людей, прочно, обеими ногами стоявших на земле. Предки Кристофа, пожалуй, больше ценили земные

радости. Саудовский магнат был знаком с двумя его дядями, которые любили красивую жизнь и обычно проводили лето на юге Франции. Кристофа это не привлекало, но у него по крайней мере имелся опыт подобной жизни. Сэм же чувствовал себя среди праздной роскоши как рыба, выброшенная из воды, и люто ненавидел всякие компании.

– Мы с мужем жили отшельниками, с тех пор как переехали из Парижа в его шато в Перигоре. Конечно, мне безумно не хватает его, однако я изголодалась по общению, по новым знакомствам, а здесь так много интересных личностей. Поэтому, в долину Напа влечет людей со всего мира. – Максин улыбнулась Кристофу.

– Это верно, – согласился он. – И не всегда порядочных. Должен признаться, я предпочитаю общество собратьев по ремеслу, владельцев винных заводов, но сегодня мне представился редкий случай. Я никогда не встречал подобных людей. Наверное, ты скучаешь по Парижу. Там ты могла бы вести другую жизнь, не то что в нашей тихой заводи.

Максин казалась такой утонченной, элегантной и светской, что Кристоф не представлял ее рядом с обычными жителями долины и даже среди крупных виноделов вроде Сэма.

Она немного помолчала, а потом произнесла:

– Знаешь, какие во Франции сложные, запутанные законы о наследовании? У моего мужа остались пятеро детей, и три четверти имущества отошло им. Раздел собственности, при котором я получила свою четверть, а они остальное, прохо-

дил крайне тяжело. На время разбирательства на все активы наложили запрет, а мои пасынки с падчерицей хотели переехать в парижский дом и имение в Перигоре. У нас с мужем не было общих детей, что тоже сыграло свою роль. Ужасно неприятно. Я не могла этого вынести, у меня совсем расстроились нервы. Дети Шарля всегда ревновали отца ко мне, потому что я была к нему добра. У мужа четверо сыновей, настоящие чудовища, и дочь, которая терпеть меня не может. Друзья говорили мне, что я поступаю глупо, слишком благородно. Но я любила Шарля и не хотела видеть, как раздрают на части то, чем он дорожил. Я взяла лишь немного, продала свою долю его детям и покинула Францию. Мечтала уехать от них как можно дальше. Я не в силах больше видеть наш парижский дом, это разбило бы мне сердце. Мы с Шарлем прожили там пять лет, самые счастливые годы моей жизни, а шато в Перигоре было мрачным, да к тому же сильно обветшало и нуждалось в ремонте: никто не занимался им со времен деда и бабушки Шарля. Я подумала, что переезд в долину Напа станет для меня чудесной переменой. С этим местом меня не связывают воспоминания. Здесь я смогу начать жизнь с чистого листа. Не знаю, надолго ли я останусь. Вероятно, ближе к осени переберусь на время в Лос-Анджелес. Или в Даллас, там гостеприимные, доброжелательные люди. Кстати, так я и познакомилась с парой, приходившей сегодня вечером. Я прожила там месяц, прежде чем приехать сюда. Еще у меня есть один старый приятель в Хьюсто-

не, он женат на уроженке Техаса из семьи нефтяного магната. Она познакомила меня со множеством людей. Но пока я вполне счастлива тут, в долине Напа. Я пережила две утраты: лишилась мужа и прежней жизни. Дети Шарля все разрушили. С моими сыновьями они тоже обошлись жестоко. В прошлом году мальчики потеряли отца, человека немолодого, а теперь еще и отчима. Год выдался тяжелый для всех нас. Я ищу себе новый дом, чтобы начать все заново. Моим сыновьям больше нравится во Франции, однако я хотела бы видеть их здесь, рядом со мной. Еще у меня мама восьмидесяти семи лет, я собираюсь взять ее к себе, когда куплю дом. Не стану перевозить ее, пока не решила, где буду жить.

Кристоф предположил, что дети покойного мужа Максин выплатили ей достаточно крупную сумму за то, что, как она рассказала, разрушили ее жизнь. В долине Напа графиня, несомненно, жила на широкую ногу в арендованном доме, находила себе развлечения и устраивала пышные приемы, но по ее словам выходило, будто пасынки ограбили ее и унизили. Однако, похоже, она не испытывала к ним враждебных чувств и не намеревалась затевать судебную тяжбу, а просто уступила свою долю наследства, согласившись на сравнительно небольшую компенсацию. У Кристофа это вызвало уважение.

– Что ж, надеюсь, ты найдешь дом, который ищешь, Максин, – искренне произнес он. – Поселишься среди хороших людей и вернешь себе душевный покой, ты его заслужила.

Долина Напа – чудесное место. В здешних краях встречаются очень хорошие люди, хотя и не такие состоятельные, как твои сегодняшние гости.

– Спасибо, – тепло улыбнулась Максин.

Кристоф поставил бокал на стол и поднялся. Было уже очень поздно, почти три часа ночи. Когда все разошлись, он перешел на воду и больше не притрагивался к вину, так что мог сесть за руль. После вечеринки Кристоф чувствовал радостное возбуждение и подъем, но пьян не был.

– Я прекрасно провел время. Спасибо, что пригласила меня, – произнес он, направляясь к машине.

Максин шла рядом, босая, в струящемся воздушно-прозрачном платье от Нины Риччи, купленном в Париже. Впрочем, Кристоф об этом не догадывался, да и не запомнил бы, даже если б графиня сама ему сказала. Он знал лишь, что Максин красива, умна и очаровательна и ей крепко досталось во Франции от детей покойного мужа. Она была энергичной, остроумной и приятной собеседницей, помимо этого он не знал о ней ничего, да и не стремился узнать. Кристоф на мгновение задумался, станут ли они друзьями или же Максин переедет куда-то еще: эта женщина была слишком шикарной для долины Напа. Наверное, его жизнь казалась ей смехотворно простой, и в этом она не ошибалась. Но Кристоф любил свою жизнь и не променял бы ее ни на какую другую. А графиня была лишь редкой бабочкой из иного мира, диковинным созданием яркой расцветки, с крыльями,

усыпанными бриллиантовой пылью. Прекрасной бабочкой из чужой вселенной.

Прощаясь, Максин снова расцеловала его в обе щеки, затем впорхнула в дом, а Кристоф поехал прочь на своем «астон мартине» с чувством, будто провел вечер на «летающей тарелке», полной удивительных пришельцев, а теперь возвращается на Землю. И как всегда, подъехав к дому, ощутил одиночество. Как бы ему хотелось рассказать обо всем Джой! Но те дни остались в прошлом.

Глава 5

На следующее утро после вечеринки у Максина Кристоф завтракал в кухне с Камиллой. Она собиралась встретиться с друзьями на теннисном корте в Мидвуде и надела костюм для игры. Приятно было оказаться снова в компании одногодков, вдобавок не работавших в винной индустрии. В последнее время ей приходилось думать в основном о винодельне и общаться с ровесниками отца. Сверстники исчезли из жизни Камиллы, когда она окончила колледж, а через несколько месяцев умерла мать.

– В котором часу ты сегодня вернулся домой? – с любопытством спросила она, поставив перед отцом чашку с кофе. – Я пришла в час, а тебя еще не было. Ну как, хорошо повеселился?

Камилла надеялась, что ему удалось немного развеяться, хотя он выглядел озабоченным. Кристоф все утро размышлял о вечеринке у Максина. Теперь все, что случилось вчера, представлялось ему нереальным, однако тот странный, единственный в своем роде вечер понравился. Он знал, что никогда больше не увидит тех людей, а может, и Максина тоже.

– Было изумительно, потрясающе, странно и даже немного жутко, словно я попал в фильм. Кинопродюсеры, нефтяные магнаты, саудовский миллиардер, у которого особняки по всему миру и небольшой гарем, причем три жены ждут

его дома, а четвертую он возит с собой. Совершенно другая жизнь. Знаю, она есть и здесь, а в последние годы все больше захватывает долину, но мы с твоей мамой никогда не испытывали интереса к подобным людям. Однако все они оказались на удивление приятными. Мне понравилась вечеринка.

Кристоф не сказал дочери, что вернулся в три часа ночи, решив, что это не вполне прилично.

– А какая эта графиня? Очень старая? – улыбнулась Камилла.

– Вообще-то нет, хотя по твоим меркам – да: ей лет сорок пять.

– Правда? А я почему-то считала, что все графини старые! – воскликнула она.

– Это в кино. Некоторые графини носят титул с рождения. Она была замужем за очень пожилым мужчиной, его дети старше ее. Похоже, они доставили ей немало огорчений, как и французские законы о наследовании, поэтому графиня решила уехать. Она подумывает обосноваться здесь, но я сомневаюсь, что так и будет. Эта женщина привыкла вращаться в высших кругах, для долины она слишком респектабельна. Вероятно, графиня переберется в Лос-Анджелес или в Даллас. Пробудет тут еще месяца четыре, не более.

– Она где-нибудь работает? – Услышав, что графине сорок пять лет, Камилла заинтересовалась ею.

– Нет, насколько мне известно, хотя я не спрашивал. В молодости она работала моделью, потом вышла замуж. С по-

койным мужем прожила последние десять лет. Он умер в девяносто.

– Ничего себе! А ты нас познакомишь? Вы еще увидите?

Кристоф усмехнулся:

– Если ты спрашиваешь, собираюсь ли я с ней встречаться, то мой ответ – нет. Прежде всего я по-прежнему люблю твою маму и, наверное, всегда буду любить. Я пока не хочу жениться снова или заводить себе подругу. Вдобавок такая женщина, как Максин, не взглянет дважды на мужчину вроде меня. Я для нее недостаточно блистательный и лощеный, у меня нет ни яхты, ни особняка на юге Франции. Я живу в долине Напа и делаю вино.

– Она была замужем за девяностолетним стариком. По-твоему, это высший шик?

Кристоф рассмеялся:

– И все же, наверное, он был гораздо представительнее и респектабельнее меня, а я никогда не стремился блистать в высоких сферах. Так вот, возвращаясь к твоему вопросу: нет, вряд ли вы с ней встретитесь, хотя я попробую познакомить тебя с двумя ее сыновьями, когда они приедут. Возможно, они тебе понравятся.

В долине жили молодые люди, ровесники Камиллы из семей виноделов, но всех их она знала так же хорошо, как Филиппа, и они не вызывали у нее романтического интереса. А в Сан-Франциско Камилла не ездила, несмотря на его близость. Кристофа тревожило, что дочь не завела себе парня

и не бегаёт на свидания, а проводит свободное время за работой, как он сам. Кристоф считал, что такая юная девушка должна жить более яркой, насыщенной жизнью. Джой в противоположность ему не беспокоилась за дочь, говорила, что Камилла ещё кого-нибудь встретит, однако Кристоф не желал, чтобы какой-то бойкий красавец вскружил ей голову и увез его девочку куда-нибудь в Лондон или в Австралию, во Францию или в Чили, а то и в Южную Африку, туда, где делают вино. Он не мог смириться с мыслью, что однажды потеряет дочь, но не хотел, чтобы она осталась одинокой и несчастной. Ему прекрасно подошел бы в зятя какой-нибудь славный молодой человек из местных, сын винодела, но Камилла считала скучными всех, с кем выросла в долине.

Кристоф обрадовался, когда она сказала, что собирается позднее встретиться с друзьями. Он не лукавил, убеждая дочь, что она никогда не увидит Максина, однако вопреки его словам на следующей неделе француженка без предупреждения явилась на винодельню. Она попросила позвать Кристофа, и тот, одетый в джинсы, клетчатую рубашку и ковбойские сапоги, вышел из своего кабинета. На сей раз графиня предстала перед ним в тесных светлых джинсах, выгодно подчеркивавших ее изящную фигуру и длинные ноги. Наряд ее дополняла белоснежная блузка прекрасного покроя и черные, крокодиловой кожи сапожки для верховой езды от «Эрмес». При виде Кристофа она широко улыбнулась и на глазах у секретарши расцеловала его в обе щеки.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

Максин рассмеялась:

– Прости за вторжение, просто я была неподалеку и решила заглянуть. Ты прислал такое милое письмо.

В письме Кристоф поблагодарил Максин за ужин, надеясь, что жена гордилась бы им. Он никогда не был силен в подобных вещах, этим обычно занималась Джой, но теперь приходилось заботиться обо всем самому, а простая вежливость требовала написать пару слов после подобного приема. Он подумал, не послать ли Максин букет цветов, но потом решил, что это могло быть истолковано неверно.

– Твоя винодельня прекрасна, – с восхищением произнесла Максин. – Она намного больше, чем я думала. А что это за замок там, на холме? Мне на минуту показалось, будто я в Бордо.

– Там мы живем. Я построил шато, когда купил здесь землю. Привез из Франции все до последнего камня. Это сильно уменьшенная копия нашего фамильного шато в Бордо: дом невелик, ты сама убедишься, если подойдешь поближе. Хочешь, устрою тебе экскурсию по заводу? – предложил он, и Максин радостно кивнула.

– А твоя дочь здесь? – с улыбкой спросила она. – Я хотела бы с ней познакомиться.

– Конечно.

Кристоф повел Максин по длинному коридору к кабинету Камиллы. Та сидела за столом, хмуро глядя на экран ком-

пьютера, когда они вошли. При виде отца со спутницей она удивленно подняла голову. Камилла не знала, кто эта женщина.

– Привет. Кто-то внес неверную запись насчет двух последних тонн вина прошлогоднего урожая, что мы продали. – «Возможно, мама допустила ошибку во время болезни: когда мучают боли, внимание рассеивается», – подумала Камилла. Теперь ей предстояло все исправить. – Извините. – Она обошла стол и остановилась, ожидая, когда отец представит ее своей спутнице. «Наверное, новая заказчица или старая приятельница родителей», – решила Камилла.

– Максин де Пантен – моя дочь Камилла, – небрежно произнес Кристоф, когда женщины пожали друг другу руки.

Камилла на мгновение смутилась, но тотчас справилась с собой. Она представляла графиню совсем не такой. Вдобавок отец говорил, что они никогда не встретятся, а теперь его новая знакомая стояла перед ней.

Камилла почувствовала себя неряхой рядом с этой ухоженной, холеной женщиной, от которой исходил легкий аромат каких-то изысканных духов. В узких джинсах и крокодиловой кожи сапогах для верховой езды, с длинными черными волосами, собранными в хвост на затылке, она выглядела великолепно. Камиллу поразили ее молодость и утонченный шик. Ей стало неловко за свою старую выцветшую футболку с эмблемой Стэнфорда, джинсы с прорезами и кеды, но Максин тепло улыбалась ей и, казалось, вовсе не замечала,

во что она одета.

– Мне не терпелось познакомиться с вами, вот я и решила зайти. Простите меня за бесцеремонность, – сказала графиня. – Ваш отец рассказывает о вас удивительные вещи.

Лицо Максин светилось дружелюбием, и Камилла вдрог оробела. Она впервые видела эту женщину, но та вела себя так, будто они с отцом близкие друзья. Даже с Камиллой графиня держалась на удивление открыто и непринужденно, с какой-то особой доверительностью.

– Я тоже рассказываю о нем удивительные вещи, – тихо заметила Камилла, улыбнулась отцу, и тот обнял ее за плечи.

После короткого разговора Кристоф сказал, что собирается устроить Максин экскурсию по винодельне, и они ушли. Камилла постояла у окна, глядя, как они идут к заводским корпусам. Она обратила внимание, что почти всю дорогу отец смеялся, и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Француженка обращалась с ней так дружелюбно, и все же что-то в этой женщине ее насторожило, показалось фальшивым. Улыбка графини могла бы осветить весь мир, однако глаза смотрели холодно и зло. Минуту спустя Камилла отругала себя за подозрения: «Эта женщина всего лишь папина знакомая. Он говорил, что не собирается встречаться с ней». Она отвернулась от окна и вернулась к работе, чувствуя себя глупо, оттого что огорчилась из-за пустяка. Просто немного странно видеть отца рядом с чужой женщиной. Но когда-нибудь ей придется к этому привыкнуть.

– Очаровательная девушка! – воскликнула Максин, когда они с Кристофом вышли из здания конторы. – Она очень красивая и, несомненно, умная, если работает с тобой.

– Камилла собирается поступить в школу бизнеса через несколько лет, – с гордостью сообщил Кристоф. – Хотя, если честно, я не уверен, что ей это нужно. Здесь она приобретает опыт, какого не получит в школе. В особенности теперь, когда не стало ее матери. Камилла взяла на себя множество обязанностей, которые прежде выполняла моя жена.

Об обеих своих женщинах Кристоф говорил с искренней любовью, это бросалось в глаза.

– Твоя жена была счастливейшей женщиной, – сказала Максин, когда они вошли в помещение, где хранились бочки.

Завод был огромным, с дороги просматривалась лишь малая его часть. Винодельня шато «Джой» являлась солидным предприятием, хотя и уступала по размаху заводу Сэма. Сравнительно небольшой объем производства Кристоф восполнял высоким качеством вина и не стремился ничего менять. Его приятно поразили вопросы Максин. Похоже, она искренне интересовалась винным бизнесом и его работой. Графиня была знакома со многими крупными виноделами Франции и с любопытством расспрашивала, какие традиции он перенял, какие изменения внес, ей хотелось оценить сходства и различия методов. Кристоф провел с ней два часа и остался доволен. В знакомой, привычной для него обстанов-

ке Максин уже не казалась ему роскошной светской львицей. Если не считать дорогих сапог из крокодиловой кожи, то она выглядела как простая смертная, держалась свободно, и Кристоф с удовольствием рассказывал ей об особенностях своего ремесла. Часы пролетели быстро. Провожая Максин к автомобилю на заводской парковке, он с удивлением заметил, что время близится к пяти. Тогда ему пришла в голову одна мысль.

– Хочешь зайти в дом и выпить бокал вина? – Кристоф все равно собирался уходить с завода, свои дела он почти завершил, а начинать работу над новым проектом было уже поздно.

– С радостью, – отозвалась Максин. Они незаметно перешли на французский. – Ты уверен, что это удобно? Не хочется доставлять тебе беспокойство.

Кристоф усмехнулся и покачал головой:

– Ну что ты, какое беспокойство! Если не возражаешь, я проедусь вместе с тобой вверх по холму. Сегодня я пришел на завод пешком.

Они с Камиллой часто так делали, им нравилась небольшая разминка перед началом рабочего дня, да и разговоры по пути.

Сев в «мерседес» Максин, Кристоф показал ей, как подняться по склону к шато. Они видели дом за частоколом высоких деревьев, пока автомобиль взбирался по извилистой дороге, однако оценить подлинные размеры и изящные про-

порции шато можно было, лишь достигнув вершины холма. Дом был маловат для замка, но по местным меркам считался очень большим. Когда Максин вышла из машины, чтобы рассмотреть его, на лице ее отразилось неподдельное изумление.

– Я будто вернулась домой, во Францию, – произнесла она с ностальгической грустью, и Кристоф подумал о шато в Перигоре, которое отняли у нее дети покойного мужа. Ему стало жаль Максин. В ее жизни тоже были свои горести, трагедии и разочарования. За ее уверенной манерой держаться скрывалась уязвимость, это его тронуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.